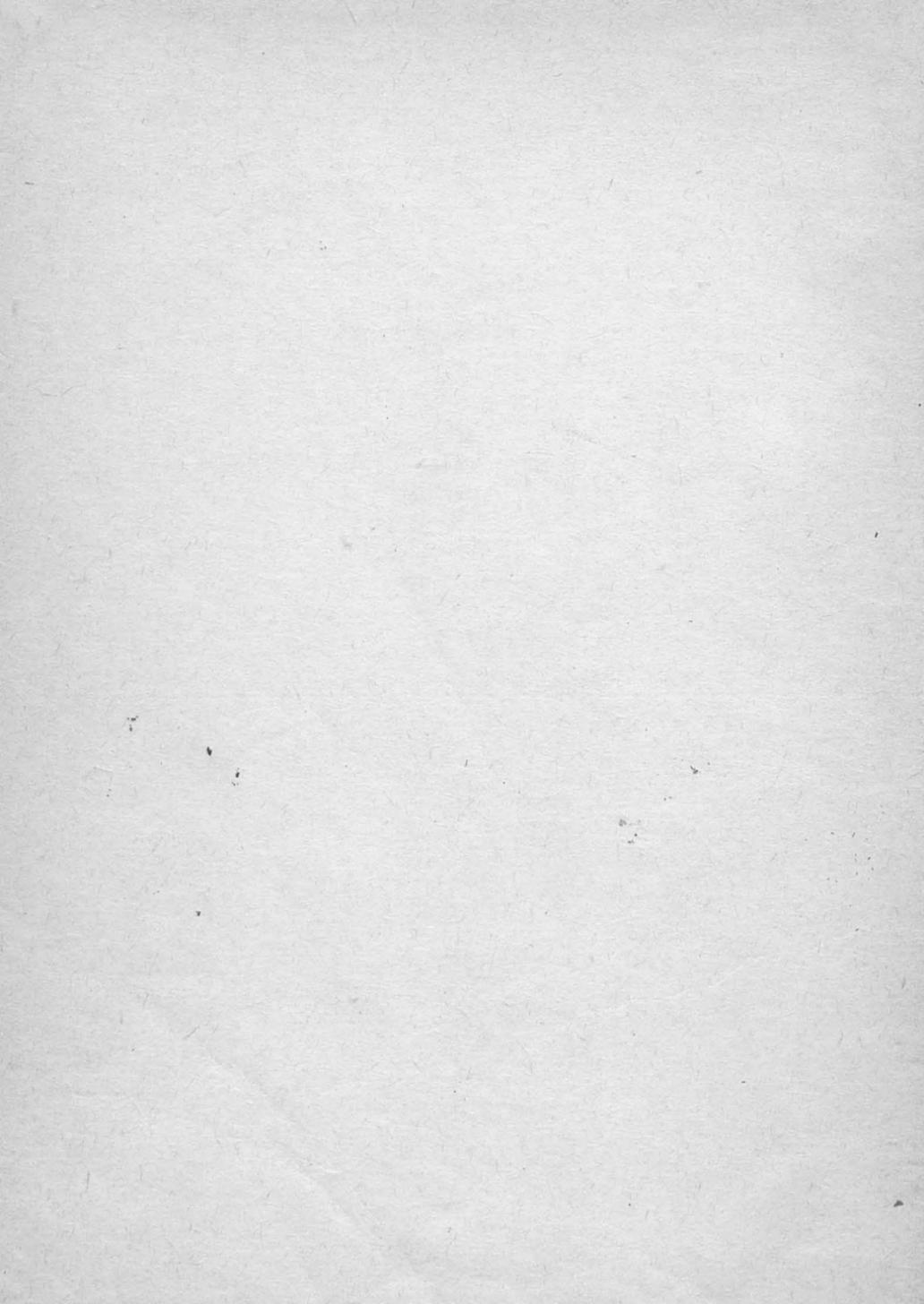




✓ 245
mg



Авт. на 502 *дв*

557
VMS
MG

З. ЛИЛИНА

ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

707

XX - 4385
14/12/3

~~38948~~



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Петербург □ 1920

33.5
157

on
thk

*Юным коммунарам—будущим творцам
коммунистического общества — посвя-
щаю я эти строки.*



2007338942

История всего предшествующего общества есть история борьбы классов. Все предшествовавшие движения были движениями меньшинства или движениями в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение громадного большинства в интересах большинства.

Коммунистический Манифест.

ГЛАВА I.

От коммунистической семьи к коммунистическому обществу.

Что такое коммунистическое общество?

Дать краткий обзор истории развития человечества и проследить постепенный переход от первобытной коммунистической семьи к коммунистическому обществу—вот задача, поставленная нами в этой брошюре.

Когда нас, коммунистов, спрашивают:—как мы представляем себе коммунистическое общество? на каких основных принципах будет оно строиться?—мы отвечаем: „Коммунистическое общество будет построено на общности производства и потребления. Все члены коммунистического общества должны будут непременно работать, а продукты труда будут распределяться по потребностям“.

— Но как же будете вы вознаграждать за труд?—спрашивают нас:— по-вашему может выйти так, что чистильщик улиц будет получать за свой труд больше, чем профессор.—„Да, может быть,— отвечаем мы,— это зависит от степени потребностей того и другого. Если чистильщику улиц, занимающемуся физическим трудом, при котором нужно более усиленное питание для поддержания его жизни и трудоспособности, необходимы два или три обеда, он будет получать два или три обеда. Если же профессору, для поддержания его жизни и трудоспособности, нужен только один обед, он будет получать только один, а не два и не три обеда, ибо остальные обеды ему не только не принесут никакой пользы, а, наоборот, будут ему вредны“.

Не желающие понять идей коммунизма, конечно, не понимают их. А между тем для нас, коммунистов, принцип организации коммунистического общества прост и ясен: кто не работает, тот

не ест, а кто работает, тот получает все ему необходимое, согласно его потребностям, независимо от того, чем он занимается. Всякий полезный труд в коммунистическом обществе необходим и почетен, и всякий трудящийся—равноправный член общества. Нет и не может быть в коммунистическом обществе деления на людей более почтенных и менее почтенных, как не может быть и деления на труд почтенный и не почтенный. Раз труд нужен и полезен, он тем самым и почетен.

Для примера такой случай: В городе свирепствует холера или какая-нибудь другая эпидемия. Ученый, в заботе о борьбе с болезнью, изучает ее причины и приходит к заключению: для того, чтобы побороть страшную гостью, необходимо очистить мусорные и выгребные ямы. За эту работу берутся граждане, не менее ученого заинтересованные в сохранении здоровья членов общества. Они выполняют работу, без которой вся наука ученого оказалась бы совершенно бессильной побороть зло. Спрашивается — кто из этих двух типов работников произвел более полезную, более почетную работу? По нашему, и ученый и рабочий. Они оба сделали одно дело — поборолли эпидемию. Оба они, следовательно, равноценные члены общества, как равноценен и их труд.

Но, раньше чем говорить о коммунистическом обществе, нам необходимо проследить этапы развития человечества и те причины, которые руководили им в ходе его развития.

Борьба за существование, как основа всякой жизни.

Все окружающее нас, как и сам человек, подвержено непрерывному изменению и развитию. Главными факторами, главными причинами, вызывающими коренные изменения как в мире животных и растений, так и в мире людей, является борьба за существование — экономика. Развитие всех живых существ из форм простых в формы наиболее сложные также вызваны борьбою за существование. Величайшему в мире ученому—Чарльзу Дарвину—удалось установить, что между всеми живыми организмами существует родственная связь, что все растения и животные, в том числе и человек, не возникли, не созданы сами по себе, независимо друг от друга, а, наоборот, произошли одни от других, из первичной клетки и простейшего животного до царя природы—человека, путем постепенного медленного процесса изменения в продолжение огромного промежутка времени, исчисляемого миллионами лет. В процессе борьбы за существование наиболее слабые индивиды погибают, уступая место наиболее совершенным, наиболее сильным, наиболее приспособленным к жизни. Дарвин так описы-

вает все происходящее в природе под влиянием борьбы за существование: „Все органические существа — животные, растения и люди,—все живущее смешалось и переплелось в ожесточенной, смертной схватке, где каждое существо вступает в жизнь по трупам миллионов себе подобных. Причины этой ожесточенной борьбы кроются в стремлении живых существ к поддержанию своей жизни, к размножению“.

Борьба за существование в мире животных и растений.

Если бы дать возможность одуванчику с его сотнями семян или маку, где в одной головке до трех тысяч семян, свободно развиваться, то в небольшой промежуток времени вся поверхность земного шара была бы сплошь покрыта этими двумя растениями. А между тем мы видим, что рядом с одуванчиком и маком произрастают и другие растения. Эти растения после упорной борьбы добились права на существование. Между ними происходила и происходит борьба, заканчивающаяся не в пользу одуванчика и мака, которые вынуждены уступить свое место более жизнённому, более устойчивому соседу. И новое растение, водворяясь на место побежденных одуванчика и мака, беззаботно шагает по трупам побежденных собратьев. Ибо таков неумолимый закон борьбы за существование.

В мире животных борьба за существование ведется с не меньшим ожесточением.

Если бы представить свободу развития только слону, производящему за свою двухсотлетнюю жизнь всего три пары детенышей, то в течение 500 лет потомство одной только пары слонов произвело бы, по исчислению Дарвина, 15 миллионов детенышей. Но в процессе борьбы за существование далеко не все детеныши слонов выживают. Вот почему слонов на земном шаре гораздо меньше, чем бы их могло быть, если бы не существовало борьбы за существование в мире животных.

Процесс развития и вымирания пеструшек дает еще более разительную картину борьбы за существование в мире животных. В тундрах Архангельской губернии живет маленький зверек—пеструшка. Плодится пеструшки очень быстро—несколько раз в год, и каждый раз у них бывает по 5—6 детенышей. Питаются пеструшки травой да растениями. В течение лета пеструшки развиваются неимоверно. А с зимой настает беда. Трава и кусты погибли от холода. Еды нет. И мечутся бедные голодные зверьки по тундре. А смерть грозит им отовсюду. Тогда пеструшки отправляются в другие места искать себе пищи. Вегут пеструшки из

тундры стадами, целыми армиями в много тысяч голов. А за армиями пеструшек идут армии врагов. Волки, лисицы и собаки, орлы, белые совы, черные и серые вороны пожирают их без числа, чайки и хищные рыбы схватывают тех пеструшек, которых уносят волны во время переправы через реку. Еще больше гибнет пеструшек от болезней и голода. Тысячи мертвых остаются на дороге. Только наиболее сильные, только наиболее приспособленные к жизни выйдут победителями из этой ужасной борьбы за пищу, за существование.

Борьба за существование не знает законов полезного и вредного. Тот, кто сильнее, тот и одерживает победу.

Вот почему животные, более устойчивые, более приспособляющиеся к жизни, все больше и больше занимают место животных, менее приспособляющихся, более слабых. Сильный пожирает слабого, слабый пожирает еще более слабого. Борьба за существование в мире животных идет беспрерывно, бесконечно, днем и ночью, зимой и летом.

Борьба за существование человеческого общества и в человеческом обществе.

И в человеческом обществе борьба за существование сыграла одну из колоссальнейших ролей. Не взирая на свое медленное развитие, человек не составляет никакого исключения в мире животных. Если бы население земного шара увеличивалось беспрепятственно, если бы в процессе борьбы за существование не выбывали миллионы и миллионы людей, то в 2535 году, по вычислению Дарвина, род человеческий покрыл бы всю землю—сушу и воду сплошной толпой, плечем к плечу. Но борьба за существование и здесь поглощает более слабых. Смертность детей наиболее сильна там, где борьба за существование наиболее жестока. Борьба за существование среди людей явилась основным фактором, двигающим культуру. И эта же борьба за существование разрушила братские, тесные, семейные отношения первобытного человека, переродив братское общество людей в людей, разделяющихся на рабов и господ, на эксплуатируемых и эксплуататоров.

Что борьба за существование в мире людей играет необычайно крупную роль, лучше всего можно проследить, если произвести наблюдение над жизнью человека с первой ступени исторического его развития и до наших дней.

Человек, согласно учению Дарвина, не представляет собою какого-либо исключения в мире животных. Человек—высшее животное. Его ближайшие предки—человекообразные обезьяны. В ходе борьбы за существование, человек, благодаря своей большей при-

способляемости, выделился и отделился от своих предков — обезьян, превратившись в царя природы.

Каким путем?

Библия дает на этот вопрос прямой и быстрый ответ: Бог сотворил мир в шесть дней. Создал он всякой твари по паре. Создал и мужчину, а в подругу ему дал женщину. Вселил Господь человеческую пару в рай и сказал им: „Живите в свое удовольствие и множьтесь на славу нам“. И только после того, как мужчина, соблазненный женщиной, вкусил от дерева познания добра и зла, т.е. захотел учиться, разгневанный Бог изгнал человека из рая и сказал ему: „В поте лица будешь ты есть хлеб свой“. В наказание за любознательность обрек Бог, по сказанию Библии, людей на трудовую жизнь.

На самом деле положение первобытного человека было далеко не райским. Сведения, которые доходят до нас, о первых днях жизни человека таковы: человек появился одиночкой или самое большее парами. В виду того, что человек не обладал ни острыми когтями, ни острыми зубами, ни звериной зоркостью глаз, ни быстрыми ногами, он в большинстве случаев оказывался гораздо менее приспособленным к борьбе за существование, чем хищное животное. Человек, которого мы сейчас так гордо величаем „дарем природы“, в первую эпоху развития не только не был царем природы, но был самым покорным ее рабом. Боясь нападения хищных животных, не будучи в состоянии защищаться от них, первобытный человек вынужден был жить в пещерах, в дуплах деревьев, на деревьях или при первой опасности спастись на деревья бегством, где он таким образом оказывался в пределах недостижимости для хищников. Стадный или общественный инстинкт, унаследованный человеком от своего предка обезьяны, и беспомощность первобытного человека заставляли его, по мере возможности, держаться ближе к себе подобному — к человеку же, образу своего рода семью.

Экономическое положение первобытной семьи и ее организация.

В описываемый период человек питался, главным образом, кореньями, фруктами, съедобными злаками, мелкими зверьками и рыбою, которых он добывал невооруженною рукою. Орудий производства в этот период у человека не было никаких. Он не сеял и не жал, а получал от природы только то, что она ему давала в готовом виде.

Добытием пищи были заняты все без исключения работоспособные члены семьи, одинаково мужчины и женщины. Все они занима-

лись и собиранием плодов земных, охотой, рыбной ловлей. В этот период все члены семьи должны были уметь делать все. Работать должны были обязательно все, а кто, за исключением детей и немощных стариков и старух, не работал, тот и не получал еды.

Добытый продукт в этой семье распределялся между всеми членами семьи по потребностям, т.е. все члены семьи ели до тех пор, пока не наедались досыта. Само общество было заинтересовано в том, чтобы, в случае, если только продукта бывало вдоволь, все наедались досыта. Ибо сытый член общества—хороший добытчик, ловкий охотник и рыболов. Голодный же член общества—плохой работник, и от него мало пользы семье.

Взаимоотношения членов семьи братские. Все в этом обществе принадлежало всем; никто в этом обществе не говорил: „Эта дичь моя, эти фрукты мои“. Весь продукт питания принадлежал всему обществу или всей семье. Братство и равенство было основой этой коммунистической семьи.

Численность этой коммуны или коммунистической семьи была не велика. В своем первоначальном виде родовая группа состояла, вероятно, из женщины матери и ее детей. С течением времени, благодаря необходимости и выгоды сотрудничества, связь членов семьи становилась более прочной. Но возрастали родовые группы только до определенного предела, которое ставило им экономическое положение, т.е. до тех пор, пока на данной площади земли было достаточное количество продуктов питания для всех членов семьи.

Закон о перенаселении, как двигатель культуры.

Силою развития в первобытном обществе явился закон о перенаселении. Закон о перенаселении основан на том, что определенная площадь земли может прокормить только определенное количество людей, но не больше. Душевой надел в 2—3 десятины, скажем, может прокормить семью в 2—3 человека, но никак не семью в 10—12 человек. Для того, чтобы прокормить определенное количество людей, живущих на одной площади земли, при том условии, когда человек не сеет и не жнет, когда он получает от природы все в готовом виде, нужно было, чтобы площадь эта была довольно обширна. Но так как у первобытного человека в этот период нет никаких способов передвижения, то раскинуться на особенно широкой площади земли у коммунистической семьи естественно нет никакой возможности. Следствием этого явилось то, что первобытные семьи могли быть самыми малочисленными. Так, например, на одной квадратной миле в умеренном поясе земли можно было, при тех условиях, когда человек являлся покорным рабом природы, прокормить не более 20—30 человек. И поэтому в союз в тот пе-

риод объединялись только те люди, которые уже кровно были связаны между собой. Но и эти кровные семьи или союзы вынуждены были время от времени раздробляться и образовывать новые семьи, дочерние союзы. Причиной такого дробления семьи являлось сознание, что если количество членов семьи превысит ту норму, которую данная площадь земли может прокормить, то люди, живущие на ней, должны будут умереть с голоду.

Этот основной закон—закон о перенаселении или вопрос о достаточном количестве питания для всех членов рода—и являлся тем двигателем, который заставлял человека развивать и совершенствовать свою технику и идти вперед по пути развития. Так как абсолютное перенаселение влечет за собою голод, болезни и смертность членов рода, то человек естественно выходит из тупой неподвижности, присущей первоначальным людям, и начинает придумывать выход из создавшегося тяжелого положения. Первым таким выходом является переселение части членов рода на соседнюю площадь земли. Затем постепенно, опять-таки толкаемый немолимым вопросом желудка, человек совершенствует и свою технику. Но весь этот прогресс совершается с невероятной медленностью, ибо все внимание человека, все его свободное время поглощается заботами о добывании себе пропитания.

Техника в период коммунистической семьи.

Все то, что мы имеем теперь в области техники, как результат науки и культуры,—все это добыто первобытным человеком чисто случайно, путем наблюдения над целым рядом однородных повторяющихся явлений. Заранее заложенных знаний у первобытного человека нет. Он до всего должен додуматься сам, своим неразвитым умом, при самых скверных экономических условиях. Борьба за существование в этот период невероятно тяжела. Нет уверенности в завтрашнем дне, нет запасов на завтра, ибо первобытный человек еще не дошел до сознания и до умения сохранять продукты про черный день. Человек целый день, и все дни, и всю жизнь употребляет только на то, чтобы добывать пищу. Для духовного развития первобытного человека при таких условиях остается крайне мало времени.

Орудия, которыми человек на первых ступенях своего развития пользуется, весьма ничтожны. Нужно было случаю натолкнуться человека на то, что он может палкой или камнем пользоваться не только как орудием обороны, но и как орудием приобретения продуктов. Чисто случайно, наткнувшись на острый камень, может быть, даже порезав ногу и в первое время не обратив внимания

на причину этого явления, только в ряде повторений этого явления, смог человек додуматься до того, что острый камень режет, и что он может пригодиться ему для добывания пищи. Нужен был опять-таки случай, чтобы навести мысль первобытного человека на то, что палка, воткнутая в камень, может быть использована, как наш топор или молот. Но повторяю, человек чисто случайно додумался до изобретения и употребления этих орудий. Вообще в жизни первобытного человека случайность играет громадную роль.

Вот какую сказочку написал В. Авенариус (журнал „Северное Сияние“ № 1—2) о первом топоре:

„Девочка Тира и мальчик Омдо очень дружили.

„— Пойдем ловить рыбу,—скажет, бывало, Тира.

„А рыбы в ручьях было тогда многое-много. Вооружившись длинными прутьями, они усаживались на траву, и когда кака-нибудь крупная рыба подплывала погреться на солнышке, они хлестким взмахом прута по голове ошеломляли ее, ловко вытаскивали и съедали.

„— Пойдем на охоту,—скажет Омдо.

„И, притаившись с дубинками за деревом дремучего леса, они, молчаливо переглядываясь, подстерегали мелких зверюшек—какую-нибудь белку или зайца, которые падали под их метким ударом.

„Раз как-то Тира с Омдой играли перед пещерой, бросая камни в намеченную цель. Тут под руку Омдо попался большой камень странной формы: с одной стороны он заканчивался острым ребром, а на другой, утолщенной, была сквозная дыра. То не был искусственно отделанный камень, человек не дошел еще тогда до такого искусства. Чтобы удобнее было бросать, Омдо воткнул в дыру кремня палку. Но когда он затем размахнулся палкой, камень не слетел, так как палка засела в нем слишком плотно. Вытащить палку Омдо никак не мог. Тогда он изо всей силы хватил острым ребром камня по стволу небольшого дерева. И что же? Дерево переломилось. Такого чуда ни Омдо, ни Тира никогда еще не видели.

„— Ну-ка еще,—сказала Тира.

„Омдо повторил удар по толстой ветке другого дерева—и отсеченная ветвь упала на землю.

„— Дай-ка и мне,—сказала Тира и, схватив палку с камнем обеими руками, ловким взмахом срубила сразу толстый сук. С испугу она даже выронила новое орудие из рук.

„Омдо, как мальчик, не хотел, конечно, показать, что трусит, но дотронуться опять до палки у него все же духу не хватило: это была какая-то заколдованная штука. И он в страхе попятился к пещере: того и гляди, что палка еще вскочит с земли и набросится на него.

„Тира тоже отбежала за своим другом, и оба присели на кор-

точки у входа в пещеру, не спуская глаз с камня, в котором заключалась такая чудодейственная сила. Но камень, как всякий другой камень, не трогался с места.

„Вдруг глухое ворчание заставило обоих вздрогнуть и оглянуться. Страшный лесной зверь, громадный медведь, шел из лесной чащи прямо на них, жадно втягивая воздух. Бежать! Но зверь их мигом нагонит. Надо защищаться!

„— Палку с камнем,—крикнула Тира.

„— Палку с камнем,—повторил Омдо и бросился к новому оружию, которое ломало сучья и сила которого их самих так перепугала.

„При виде идущего на него мальчика, медведь, рыча, поднялся на задние лапы. Тира от ужаса принялась кричать. Омдо же, бледный, но решительный, с блестящими глазами, поднял свое оружие над головой и что было силы, с размаху, хватил медведя по голове. Свершилось опять чудо: у могучего лесного зверя, с которым вступить в бой не решились и взрослые, череп гулко треснул, а само чудовище зашаталось. Еще громче зарывав, медведь двинулся-было вперед, но второй такой же меткий удар между глаз окончил бой: взмахнув лапами, точно ища опоры, медведь свалился к ногам своего победителя в ту самую минуту, когда отец и мать Тиры подкатили к пещере.

„В течение нескольких дней вся семья, благоговей перед волшебным оружием, решившим неравный бой мальчика с медведем, не смела прикоснуться к палке с камнем. Понемногу все стали относиться к ней более доверчиво, брали ее даже в руки, а потом настолько осмелели, что стали пользоваться ею для разных домашних надобностей.

„Так был найден первый топор. Употребление его постепенно распространилось затем среди первобытных племен, и с этих пор люди могли не только гораздо смелее защищаться от диких зверей, но и строить себе удобные жилища и легче добывать пищу“.

Вполне возможно, что это открытие было сделано играющими детьми, как и возможно то, что открытие силы огня принадлежит женщине, как наиболее оседлому члену семьи.

Но и в открытии силы огня случайность безусловно играет не малую роль. Нужно было, чтобы молния случайно ударила в плодородное дерево. Нужно было далее, чтобы испеченные огнем фрукты попали человеку, для того, чтобы он мог додуматься до того, что печеное яблоко или печеный корень имеет другой вкус и более съедобен, чем сырой.

Но повторяем, развитие техники на первой стадии человеческой культуры является более плодом случайности, чем результатом заранее заложенных и накопленных предшествующими поколениями знаний.

Зачатки речи из социально-трудовых звуков.

К признакам развития человека в данную эпоху нужно отнести возникновение зачатков речи. Причем здесь приходится предположить, что зачатками речи являлись в начале исключительно гласные звуки, при помощи которых первобытный человек выражал состояния чувств: восторга, страха, победы, опасений и т. п. С течением времени эти простые однородные гласные звуки объединялись и затем далее к ним присоединялись некоторые согласные звуки. Первые слова дикаря, как и первые слова ребенка, весьма не сложны. Слова: мама, папа, няня, дядя состоит из повторений одного гласного и одного согласного. Охотничий и военный клич первобытных людей — ого-го. Вполне понятно, что речь первобытного человека не обладает таким запасом звуков и слов, каким обладает сейчас речь людей на культурной ступени развития и что она более всего приближается к лепету ребенка. Нужно было много тысяч лет для того, чтобы создать ту многогранную речь, которую пользуются теперь культурные народы мира.

Внутренний строй первобытного рода.

Внутренний строй первобытного рода выражается в полном равноправии всех членов. Все одинаково работают, все одинаково получают за свой труд продукты по потребностям. Нет ни господ, ни рабов. Нет ни угнетателей, ни угнетаемых. Все равны. Все братья между собой. Род в своем развитии шествует крайне медленно из-за консерватизма, присущего всякому мало развитому человеку. Все делается на основании обычая и предания. Так делалось нашими дедами, так обязаны делать мы. Развитие индивидуальной личности крайне слабо и незначительно. Роль женщины в первобытном обществе такова же, как и роль мужчины. Все одинаково трудятся для блага небольшого своего рода, ибо от блага, от благополучия рода зависит благо каждого отдельного члена рода. Имеются продукты питания у рода — будет сыт и каждый отдельный член рода. Нет продуктов у рода — умрут с голоду все его члены. Не может быть в семье такого положения, когда один член ест, а другие умирают с голоду. Коммунизм первобытной семьи и выражается в том, что все обязательно работает для блага рода и все члены рода получают каждый по своим потребностям. Первобытное производство, как и распределение, имели определенно коммунистический характер. В этом обществе не было и следов частной собственности.

Психология первобытного общества.

Первобытное общество не знало господ и рабов. Но члены первобытного общества далеко не были свободными людьми. Человека угнетала суровая власть природы, он был ее покорным рабом. И в самом роде, где господствовали братство и равенство, человек не имел своей личной воли. Он был скован по рукам и ногам волею рода. И не только волею живых ее членов, но еще более волею мертвецов.

Привычные формы и приемы борьбы и труда передавались из поколения в поколение. Малейшее нарушение их рассматривалось как преступление против старины. Самые ничтожные новшества внушали страх. Сила обычая царил над всем, задерживая развитие, тормозя его. Мертвые царили над живыми.

Вращаясь в тесном кругу своего рода, будучи угнетаем силами природы, первобытный человек не мог иметь широкого кругозора. Духовный запас его весьма скуден и сводится к ничтожному количеству практических знаний. Находясь под властью природы, человек не в состоянии был проникнуть в ее тайны. Все предметы, все явления он рассматривал только с точки зрения вреда или пользы для себя. И камень, которым он ранил ногу, и палящее солнце были для него одинаково таинственными существами, творящими добро или зло. Понятия о религии, о боге у первобытного человека не существует еще в этот период.

Тупость, узорь, боязнь новшеств — вот отличительные черты первобытной психологии. Казалось бы, что такие черты первобытного человека вряд ли могли содействовать развитию человека и превращению его из раба природы в ее царя. Но стихийное сопротивление всякому прогрессу преодолевалось стихийными же силами голода. Голод пробуждал человека к деятельности, голод преодолевал консерватизм, голод покорял мертвецов, голод содействовал прогрессу и развитию техники.

ГЛАВА II.

Патриархально-родовая община.

Возникновение скотоводства и земледелия.

Закон о перенаселении, вернее, вопрос о существовании, заставил человека двигаться вперед в деле изобретения путей и способов добывания себе пищи. И здесь, как вообще во всей жизни первобытного человека, случайность играет громадную роль.

И в деле возникновения скотоводства случайность сыграла свою роль. Первобытный человек не мог сознательным путем дойти до того, что с приручением животных наполовину, если не целиком, обеспечивается его существование. Он в начале приручает животных только забавы ради. И только крайняя степень голодания семьи наталкивает дикаря на мысль о том, что можно употребить в пищу прирученное животное. Тот выход из отчаянного положения, на который первобытного человека натолкнул случай, явился первым шагом по пути сознания важности и полезности систематического приручения животных. Но животные полезны человеку не только тогда, когда их убивают на мясо, они и при жизни своей полезны своим молоком. В данном случае опять-таки нужна была громадная доля наблюдательности для того, чтобы понять, что животное может своим молоком питать не только своих детенышей, но и людей.

Первобытному человеку нужен был ряд десятилетий для того, чтобы придти к сознанию, что одни и те же съедобные злаки, корни или фрукты произрастают в одном и том же месте, на одних и тех же деревьях. Еще больше времени потребовалось первобытному человеку для того, чтобы уловить связь между случайно упавшим на землю зерном и произрастанием в этом самом месте соответствующих зерен, злаков или фруктов.

Вероятнее всего, что это открытие принадлежало женщине, ведшей все же более оседлую жизнь, чем мужчина, ибо ей прихо-

дилось помимо приискания пищи еще исполнять обязанности матери.

Но от случайно упавшего в землю зерна до планомерного занятия земледелием очень далеко. Необходима была известная доля наблюдательности для того, чтобы убедиться, что зерно, просто брошенное на поверхность земли, за редкими исключениями урожая не даст, а зерно, брошенное в землю и сверху покрытое землей, дает урожай. И для этого, как и для всякого знания, приобретенного путем наблюдения, нужны были многие годы. Результатом этого наблюдения явились первые зачатки земледелия и создания земледельческих орудий. В то время, как первобытный человек, в первой стадии возникновения земледелия, делает пальцем углубление, куда он бросает зерно, он в дальнейшем делает громадный шаг вперед, пуская в ход древесную ветвь с остро-торчащим суком. Проводя эту ветвь по земле, он получает более или менее глубокую борозду, куда кладутся семена. Древесная ветвь с острым суком—было первое земледельческое орудие первобытного человека. Как ни примитивно это орудие, оно все же громадный шаг вперед в деле развития техники. Эта ветвь—родоначальник нашей земледельческой машины.

Переход от кочевой к оседлой жизни

Первобытный человек, не знавший земледелия, не пашет и не жнет, а питается только теми продуктами, которые природа дает ему в готовом виде. Ему приходится поэтому, когда все съедобное на одном участке земли им употреблено в пищу, переходить на другой участок земли, где еще имеются продукты; он таким образом беспрерывно кочует. С возникновением скотоводства и земледелия первобытный человек не сразу становится оседлым. Он попрежнему перекочевывает с места на место в поисках пищи уже не только для себя, но и для стада. Но все же первобытный род теперь не находится в беспрерывном движении. Он, благодаря земледелию, остается на одном месте до тех пор, пока брошенное им в землю зерно дает урожай. И только со сбором урожая род передвигается на новое место.

В то время, как на определенной площади земли можно было до возникновения скотоводства и земледелия прокормить только 20—30 человек, теперь, благодаря земледелию и скотоводству, та же площадь земли может прокормить 70—80 человек. Теперь жизнь рода не находится уже всецело в прямой и непосредственной зависимости от случая. Теперь, хотя частично, потребности рода удовлетворяются продуктами земледелия, молочными и мясными

продуктами. Вопрос о завтрашнем дне не настолько уже страшит первобытного человека, как это было в первой стадии его развития. И земледелие, и скотоводство давали прибавочный, запасной продукт на завтрашний день.

В дальнейшем своем развитии первобытное общество объединяет земледелие и скотоводство в одно хозяйство и все чаще и чаще оседает на одном месте, переходя от кочевой к оседлой жизни. Увеличение продуктов ведет за собою значительное возрастание численности рода, достигающего порою до 200—300 человек и даже больше. Такому усилению численности рода содействует не только объединение земледелия со скотоводством, но и умение пользоваться скотом для передвижения. Езда на лошадях, верблюдах, оленях дает первобытному роду возможность расположиться на более обширной площади земли и тем самым пользоваться большим размером площади для охоты, для обработки полей и более обширными пастбищами для своих стад.

Оседлая жизнь дает возможность усовершенствовать земледельческие орудия и применять силу животных не только для езды, но и для земледелия. С этого времени производительность труда людей значительно возрастает. Прибавочный продукт, т.-е. излишек продуктов, не нужный для удовлетворения голода в данный момент, становится постоянным явлением, и существование человека можно считать в большей части уже обеспеченным.

Разделение труда.

Разделение труда при добывании пищи появилось очень рано, не взирал на то, что *все* первобытные люди должны были уметь делать *всё*. Первое разделение труда началось между мужчиной и женщиной. Будучи связана деторождением и заботой о детях, женщина не всегда могла участвовать в охоте или войне. Она оставалась дома, занимаясь сбором плодов и присмотром за детьми.

Забота о питании детей натолкнула женщину на целый ряд изобретений. Ей безусловно принадлежит честь изобретения ступки, ручной мельницы и т. п. Для того, чтобы растереть твердые зерна, чтобы сделать их для детей более съедобными, она раскалывала их камнями, подобно тому, как это иногда делают обезьяны, чтобы расколоть твердые орехи. Простой камень для раскалывания или растирания зерен с течением времени превратился в ступку, а затем и в ручную мельницу. Это совершилось тогда, когда женщина додумалась до того, что легче всего растереть зерно, положив его между двумя камнями.

В то время, как расширялся круг деятельности мужчины в области добывания пищи, расширялся и круг деятельности женщины в области переработки, приготовления и сохранения продуктов питания. В то же самое время происходило и все большее разделение труда между мужчиной и женщиной.

Повышение производительности общественного труда и развитие техники дает и первый толчок в деле разделения труда между отдельными членами или отдельными группами общества. Первыми выделяются скотоводы. За ними идут воины, охотники и т. п.

Война, как особая отрасль производства.

Первобытный род был не многочислен и состоял главным образом из кровных родных. Братство и взаимная помощь замыкались в тесном кругу рода. В человеке, не принадлежащем к данному роду, видели врага, за которым нередко охотились, как за зверем.

Главною причиною войны является недостаточное количество продуктов питания: один род нападает на другой из-за дичи в лесу, из-за рыбы в реке или в озере. Особенно же часты войны между кочевниками-скотоводами из-за пастбищ.

Войны, хотя и ведутся всем родом, всеми мужчинами, а нередко и всеми женщинами рода, все же война, как особая отрасль труда, требует специальной подготовки, специальной организации. Мало участия всего рода или части его в войне. К войне необходимо подготовиться, организовать. Не всегда войну затевает более сильный род. Очень часто нападающей стороной является как раз не наиболее сильный, а наиболее слабый, наиболее голодный род. Прельстись богатыми стадами, или иными какими-либо богатствами соседей, род нападает на род. От степени организованности, от степени подготовки зависит исход войны.

Война поэтому и выдвигала, сначала, быть может, даже незаметно для рода, наиболее храброго и мышленного, наиболее старшего и опытного члена рода. Он брал на себя самую трудную, самую ответственную часть работы. Он командовал воинами, он им приказывал, — те ему повиновались.

Таким образом в сфере войны и охоты выдвинулось лицо, которое взяло на себя руководящую, организующую роль. Эта первая власть руководителя, выдвигнутая в момент опасности, продолжала и по окончании войны или общей охоты выполнять некоторые общественные функции, как-то: раздел и распределение добычи.

Выделение труда руководителя.

В каждой общине с самого начала существуют известные общие интересы, соблюдение которых возлагается на отдельных членов общества. Таковы—разрешение спорных вопросов, надзор за водохранилищами, некоторые религиозные обязанности и т. п. Лица, на которых возлагаются подобные обязанности, снабжены известными полномочиями. Эти лица и представляют собой зародыши государственной власти.

Постепенно увеличение производительности сил и плотности населения создает в одном случае общность интересов, в другом случае столкновение интересов между отдельными общинами.

Возникновение скотоводства и земледелия, развитие техники увеличивают и производительность рода, а вместе с тем разнообразится и самый труд. Первобытная коммунистическая семья не знала прибавочного труда: все, что добывалось, тут же и поедалось. Естественно, что тогда не могло быть речи о руководителе общественными работами и распределителе продуктов. Все члены рода совместно добывали продукты питания и все *все* потребляли. Совсем иначе обстоит дело теперь, когда сотни различных работ приходится распределять целесообразно между отдельными работниками, когда продукт поедается не сразу, а распределяется вперед на целый ряд месяцев. Тут без специальных, должностных лиц не обойтись. Ими становятся нанстарейшие в роде, как наиболее опытные люди.

Должностным лицам повинуются, ибо без повиновения не может быть проведен в жизнь организационный план. Таким образом впервые возникает власть и подчинение в сфере производства.

Вначале должностные лица всецело руководятся общими интересами рода. Они распределяют работы, устанавливают формы сотрудничества и разделения труда, они организуют не только производство, но и распределение. Должностное лицо, заведывающее общим хозяйством, устанавливает: 1) часть общественного продукта, которую можно употребить немедленно, 2) часть, необходимую для дальнейшего производства—семена, и 3) часть, которую необходимо сохранить на будущее время—запасы общества. Должностные лица, не взирая на специальный характер их труда, требующий особенной смывшенности и распорядительности, на самом деле в начале почти ничем не выделяются от всех остальных сочленов своего рода. Их действиями руководят, главным образом, установившиеся обычаи и пример предков. Самостоятельности они почти никакой не проявляют. И все же должностные

лица и члены их семей с течением времени мало-по-малу начинают обособливаться от всего рода. Однако, единство группы продолжает господствовать над всем родом, включая и семьи должностных лиц.

Так как главным должностным лицом в роде избирался наистарейший, патриарх, то семья патриарха естественно начала выделяться и приобретать большее значение. Стоя ближе всего к патриарху, члены этой семьи легче всего и приучались к организации общественных работ. Поэтому из их среды чаще всего избираются должностные лица для исполнения общественных работ. Чем дальше, тем роль должностного лица все чаще и чаще переходит от отца к сыну, а затем она становится наследственной в одной семье.

Ни само должностное лицо, ни семья его ничем не выделяются. Власть его не носит на себе никаких следов эксплуатации или угнетения. Все члены рода попрежнему равны. Все производят на благо своего рода и всё распределяется по потребностям. При этом ни лицо, исполняющее общественные обязанности, ни семья его не получают больше того, что получают другие члены рода.

И все же выделение должностных лиц есть первый этап по пути порабощения человека, по пути происхождения господ и рабов, по пути деления людей на классы. Первые исполнители общественных работ—не эксплуататоры и не властелины, а последующие, конечно, не сразу, а спустя ряд веков, превращаются из исполнителя общественной службы в политического господина, в эксплуататора и властелина.

Взаимоотношение родовых общин.

С возрастанием численности рода, часть его отделялась и переселялась на соседнюю площадь земли, где и обзаводилась своим самостоятельным хозяйством. Связь между основным родом и его отделившейся частью обрывалась не вполне. Там, где силы одного рода были недостаточны для производства той или иной работы, родственные общины объединялись для совместных действий. Таковыми совместными действиями являлась охота за стадами животных и общая война.

Во главе подобных предприятий становится группа руководителей всех участвующих родов, которые выбирают из своей среды одного общего руководителя или вождя. Совместные обязанности руководителей и родов не заканчиваются с окончанием охоты или войны. Они длятся еще некоторое время, а именно до распределения добычи между участниками войны или охоты.

Помимо военных взаимоотношений между родственными родами происходят и меновые взаимоотношения. Так как прибавочный труд становится почти постоянным явлением в роде, то появляются излишки производства. А так как эти излишки бывают различны у различных родов, смотря по тому: преобладает ли в данном роде земледелие или скотоводство, то между родами возникает первоначальный обмен. Этот обмен есть первый результат неорганизованного общественного разделения труда, т.-е. результат возникновения разделения труда не между отдельными членами рода, а между родовыми группами.

Отличительные признаки патриархального рода.

Возникающее общественное разделение труда и обмен между родовыми группами не играют особенной роли в жизни отдельных общин. Каждый род попрежнему продолжает производить все для него нужное самостоятельно.

И все же организация патриархального рода уже значительно отличается от организации первобытно-коммунистической семьи: 1) в патриархальном роде произошло обособление труда должностных лиц от труда исполнителя; 2) разделение труда и сотрудничество в родовой группе—явление упрочившееся и происходит оно не только между мужчиной и женщиной, но и между всеми членами рода; 3) разделение труда становится частым явлением не только среди членов одного рода, но и среди родственных групп, и 4) между родовыми группами возникает обмен.

Возникновение обмена.

Первоначальный обмен происходит случайно. Случайно две соседних родственных группы или даже два члена двух родственных групп обмениваются продуктами. В этой форме обмена нет и следа организации. Для этого необходимы только два условия—чтобы у одного и у другого рода были излишки и чтобы излишки, имеющиеся у одного рода, были нужны другому роду.

Обычно обмен происходит между группой скотоводов и группой земледельцев. Скотовод отдает свой скот за хлеб, и наоборот. Эта форма обмена—самая простая, встречающаяся даже и в первобытно-коммунистической семье. При этой форме обмена не существует рынка, куда стекается товар, подлежащий обмену. Эта простая форма обмена, носящая случайный характер и основанная почти исключительно на родственных взаимоотношениях обменивающихся

продуктами обществ, с развитием производительности меняет свой характер, переходя в развернутую форму обмена.

Развитие человеческого общества шло неравномерно и не одинаково быстро. В то время, как одни племена оставались в течение ряда веков на самой дикой ступени варварства, другие сравнительно быстро подвигались вперед по пути культуры. Так, например, наиболее прогрессировавшие племена, арийцы и семиты, занимались, главным образом, приручением животных и присмотром за стадами. Эти пастушеские племена своим отделением от остальной массы племен повели к возникновению первого значительного общественного разделения труда.

Пастушеские племена добывали не только больше продуктов питания, но эти продукты питания были разнообразнее: у них было молоко и мясо. Помимо того скотоводство давало им кожу, шерсть, волос, что повело к увеличению и разнообразию приготовления различных тканей.

Обилие сырья вызвало развитие техники, и к этому периоду безусловно относится изобретение ткацкого станка, плавка и обработка металлов — меди и олова, которые в соединении дают бронзу. Из бронзы первобытный человек начинает готовить орудия и оружия. Железо в это время еще не умели добывать. К этому же периоду относится начало употребления золота и серебра, главным образом, для украшений.

Неодинаковые природные условия местности, которую населяет род, и сложившиеся специальные технические навыки вносят известное разнообразие в производство отдельных родов. Разнообразие производства вызывает усиленный обмен между родами. Теперь обмениваются продуктами производства уже не только родственные, но и чужие друг другу общины.

В виду того, что обмен происходит уже не между двумя только группами, а между целым рядом групп, изменилась и сама организация обмена. В то время, как при простой форме обмена рынка не существует, при развернутой форме обмена устанавливается специальное место, называемое рынком, куда стекаются все, имеющие продукт для обмена. В то время, как при простой форме обмена, где обмениваются всего лишь два продукта, скот непосредственно обменивается на хлеб или на какое-либо орудие производства, при развернутой форме обмена дело осложняется.

На рынке появляются уж не два, а несколько товаров, как-то, различные орудия производства, скот и зерно. И поэтому часто получается, что собственнику зерна, допустим, нужны стрелы или топор, но собственнику орудий производства не нужно зерна, ему нужен скот. Но собственнику скота не нужны орудия производства, ему нужен хлеб.

Как тут быть?

Тогда на сцену выступает денежная форма обмена.

В виду того, что скот нужен почти всем,—скот становится орудием обмена, т.-е. тем особенным товаром, на который охотно обмениваются другие товары. Такой товар, на который можно обменять все товары, называется деньгами.

В первый период деньгами, особенно у кочевых общин, является скот. С появлением металлов или металлических орудий деньги-металлы вытесняют деньги-скот. Хотя скот всем нужен, еще более нужны металлические орудия. В то время, как скот является трудно-делимой, трудно-раздробляемой монетой, металлы можно легко переносить с места на место, а главное раздроблять на мелкие части, чего никак не сделаешь с овцой, коровой или лошадью.

Сначала на сцену в виде денег появляются медь, олово или их соединение—бронза, а затем и благородные металлы—серебро и золото. Металлы-деньги не чеканятся и не имеют никакой определенной формы. При расчете куски металлов отвешиваются. В то время, как олово и медь употребляются членами рода, главным образом на приготовление орудий производства, благородные металлы идут исключительно на украшения.

Первобытный человек, стоящий на низкой ступени культуры, страшно любит яркие цвета и блестящие украшения. И чем более низка ступень культуры человеческой группы или отдельного лица, тем более любит он блестящие украшения. Первобытный человек разрисовывает тело яркими красками, вдевает куски блестящего металла в губы, вдевает кольца в нос. Современная мало-культурная женщина раскрашивает себе щеки и губы, подрисовывает глаза, вдевает серебряные и золотые кольца в уши, обвешивает себя всевозможного рода побрякушками и мнит себя при этом далеко ушедшей вперед от своей прааматери дикарки.

Психология патриархально-родового периода.

С развитием техники, с увеличением количества продуктов питания, власть природы над человеком постепенно ослабевает. Ослабевает и власть рода над отдельными его членами. Но на смену им идет новая власть, власть патриарха, исполняющего важные общественные обязанности. Все члены родовой группы повинуются ему одному.

С возникновением власти организатора труда и распределителя продуктов утрачивается и равенство в распределении. Хотя и

теперь продукты распределяются между членами рода, согласно их потребностям, хотя лица, исполняющие общественные функции, и их семьи получают не больше продуктов, чем каждый отдельный член рода, но им и их семьям все же достаются лучшие куски. Но не в этом суть неравенства. Неравенство выражается в том, что хозяином всего продукта начинает становиться распределитель работ и расходования продуктов.

С возникновением торгового рынка, старшина рода, вынося для обмена продукт, выносит его не как продукт общественного труда, а как свой собственный продукт. И в процессе обмена старшина одного рода говорит старшине другого рода: я хочу обменять мой продукт на твой продукт.

С тех пор, как власть патриарха-старшины становится наследственной, старшина выделяется из общей массы членов рода. У него появляются личные интересы, которые он иногда ставит выше интересов рода. Привыкнув смотреть при обмене на общественный продукт, как на свой продукт, патриарх постепенно превращается в частного собственника.

С возникновением разделения труда и сотрудничества, связь между отдельными членами рода и между родовыми группами крепнет. Отдельные члены рода и отдельные родовые группы теперь, благодаря распределению труда, не могут существовать без труда своих сородичей.

С возникновением единоличной власти патриарха-старшины все же взаимоотношения между членами рода остаются попрежнему братскими. Патриарх не чувствует себя ни господином, ни собственником. Члены общества не чувствуют себя ни рабами, ни эксплуатируемыми. Объясняется это тем, что ни старшина, ни вообще члены рода не имели никаких побуждений нарушить старые устои. Не взирая на улучшение экономического положения рода, члены его вместе с патриархом остаются пассивны и попрежнему крепко держатся старины и многовековых обычаев.

Натуральный фетишизм.

С ослаблением зависимости от природы падает и страх перед стихийными силами природы. А вместе с падением страха растет любознательность. Человек пытается найти объяснение некоторым явлениям природы.

В первый период—период первобытной-коммунистической семьи, человек не различал живое и мертвое во внешнем мире. Все окружающее кажется ему таким же живым, как и он сам. Упавший с высоты камень ранил его, река выступила из берегов, ветер ше-

лестит листьями деревьев, луна появляется и исчезает, солнце греет или жжет, — все эти предметы, значит, живут и действуют так же, как и человек, и все они — добрые или злые существа сообразно их поступкам.

С выделением роли патриарха-старшины в патриархальном роде, весь род как бы делится на две части — одна верховная, руководящая и повелевающая, вторая — исполнительская, подчиняющаяся. Двойственность в общественной жизни вызывает в свою очередь в сознании людей понятие о двойственности человеческой при оды и природы вообще.

Отчего после дня наступает ночь? Куда девается солнце на ночь? Где бывает днем луна? Почему тучи закрывают солнце? Что они тучи? Отчего бывают болезни? Удачная или неудачная охота? Что такое смерть? сон? сновидение?

Пробуждающийся ум человека начинает искать ответа на все эти вопросы. Не будучи в состоянии объяснить себе большинства явлений, человек вселив в них какую-то силу, называемую душой, и предоставляет этой душе действовать.

Человек днем действует, двигается, ходит. Ночью он замирает, — состояние сна похоже на смерть. Утром человек снова начинает двигаться. Очевидно, в человеке живет какая-то сила, которая в течение дня приводит его члены в движение. Человек умирает в обморок среди бела дня — от него на время ушла действующая сила. Человек умер, — сила, которая заставляла человека двигаться, действовать, говорить, ушла на продолжительное время. Но она может вернуться обратно. Таинственная сила — душа — покинула мертвеца, но она не покинула жилины, она находится незримо здесь, среди живых. Она может творить добро и зло, смотря по обстоятельствам.

Вера в души умерших привела к поклонению им, к желанию их умилостивить, чтобы они не творили зла. Покойникам оказывают всевозможные почести, чтобы не разгневать души умерших. Покойника одевают во все праздничное, кладут с ним его оружие или орудие, дают ему даже с собой пищу, чтобы он мог в любой момент, когда это вздумается его душе, вернуться снова к живым.

Отсюда вера в воскресение и в загробную жизнь.

Но первобытный человек снабжает душу не только предметами одушевленными, но и предметами неодушевленными. Камень упал с высоты и ранил человека. Человек порезал себе ногу острым камнем. Метко брошенный в хищное животное камень спас человека или его домашний скот от опасности. Значит, и в камне есть душа, которая может творить добро или зло. Надо задобрить камень, и он не будет причинять зла. К нему обращаются с речью-мольбой, ему дают часть пищи — приносят жергиву.

Солнце—источник жизни, от него идет тепло, свет, оно растит травы. Значит, в солнце добрый дух. Ночь и зима злые силы. И в домах, и в лесах, и в воде живут добрые или злые силы: домовые, лешие, водяные.

Все непонятные человеку явления в живой и мертвой природе первобытный человек объясняет себе существованием в данном предмете злой или доброй души. Эту душу он искал в камне, в звере, в растении и в человеке, в пламени и в воде. Так возникают души вещей—анимизм.

Это одухотворение всех предметов и явлений задерживало рост духовного развития человека. Познание причин явлений обрывалось на душе явлений. Так угодно его душе,—следовательно, здесь не может быть и речи о том, чтобы доискиваться причин. Теперь мы говорим—так угодно Богу—и покорно несем иго, наложенное на нас людьми.

Натуральный фетишизм, т.е. одухотворение, вселение души в предметы и явления природы, представлял из себя такой взгляд на природу, при котором отношения вещей представлялись, как отношения людей.

Одухотворение вещей, приписывание им свойств творить добро или зло, ведет к желанию задобрить одухотворяемые вещи. К ним обращаются с просьбой-мольбой быть милостивыми. Их задобривают, принося им дары. И мольбы и приношение даров совершаются в торжественной обстановке, причем не каждому смертному дается право совершать эти подношения и произносить соответствующие случаю молитвы—заклинания. Их совершают люди, наиболее почитаемые в роде или обладающие специальными способностями.

Понятно, что ни камень, ни солнце и луна, ни тучи и ветер подносимыми им дарами не пользуются. Достаются эти дары тем же должностным лицам, называемым шаманами или жрецами, которые исполняют обряды подношения даров одухотворяемому предмету. Чем могущественнее, т.е. чем добрее или злее, одухотворяемый предмет, тем больше даров преподносят ему.

Каждый шаман или жрец естественно заинтересован в том, чтобы тот предмет, то существо, к которому он приставлен служить, рассматривался как самое важное, как самое могущественное существо, тогда место шамана будет более доходным. Для придания большей торжественности молитве и подношениям, исполнители религиозных обрядов украшают своего божка, устраивают для него специальное помещение, строят ему храм.

Так возникают храмы и духовенство.

ГЛАВА III.

Женщина в прошлом.

В положении женщины и раба много сходного. Сделалась женщина рабыней еще раньше, чем существовало рабство. Объясняется это чисто экономической зависимостью, в которой коренится и социальная зависимость.

От изменения экономического положения рода, от изменения способов производства и распределения зависит и изменение отношения полов.

В вопросе о формах первобытной семьи Библия дает такой же прямой и решительный ответ, как и в вопросе о сотворении мира. Библия рассматривает все этапы в области развития человечества, как совершенные и вполне законченные.

Библия говорит:—Бог создал Адама и ему в подруги дал он Еву. Еву Господь создал из ребра Адама для того, чтобы она, как часть его, прилепилась к нему и подчинилась ему. Далее Господь повелевает им:—плодитесь и множьтесь.—И родились у Адама и Евы сыновья.

А откуда взяли себе сыновья Адама и Евы жен? На это Библия дает весьма путанный ответ,—по одним версиям у Адама и Евы были не только сыновья, но и дочери. Отсюда вывод. Очевидно, сыновья Адама и Евы женились на своих сестрах. Но церковь такого безбожия не может допустить. На сцену выступает вторая версия,—сыновья Адама и Евы взяли себе жен из соседних родов. Но откуда же взялись соседние роды? Ведь Господь, по сказанию той же Библии, сотворив мир, сотворил только Адама и Еву и больше никаких людей.

Очевидно, сказание Библии о формах семьи, закрепленных в наш капиталистический век церковью, так же мало соответствует истине, как и сказание о том, что бог сотворил мир в шесть дней.

По данным авторитетных ученых, которые в течение веков

занимаются изучением истории развития человеческого общества, формы брака и семьи так же менялись под влиянием экономического положения данного общества, как менялось и само общество в зависимости от большей или меньшей обеспеченности его продуктами питания.

Формы первобытной семьи.

В это время, когда человек еще жил в пещерах, в дуплах деревьев или на деревьях, люди жили отдельными парами, подобно обезьянам. Но парную семью того периода нельзя смешивать с парною семьею нашего времени. В этот период господствует полная свобода половых отношений, и каждая женщина может принадлежать каждому мужчине. Сходятся в этот период мужчина и женщина, подобно обезьянам и другим животным, только на один период деторождения. После этого периода каждая женщина и каждый мужчина свободно расходятся до нового союза, опять-таки только на один период деторождения.

Вероятно, что как только появилось несколько людей, происходивших от общих родоначальников, так они начали держаться вместе, как семья. Полная свобода половых отношений в пределах определенной семьи, где каждая женщина принадлежала каждому мужчине, и дала начало первой форме коммунистической семьи. В этой семье не только братья и сестры, но и отцы с дочерями, матери с сыновьями сходились на определенный период деторождения. Об этом свидетельствует и библейское сказание о Лоте и его дочерях, которые родили детей от отца своего.

Кровородственные семьи.

Здесь брачные группы распадаются уже по поколениям. В границах такой семьи все деды и все бабки между собою мужа и жены; все отцы и все матери между собою мужа и жены; все сыновья и все дочери между собою мужа и жены, т.-е. все братья и сестры всех поколений между собою мужа и жены. В кровородственной семье не могут вступать в половую связь или, как у нас сейчас говорят, в брак только родители с их детьми.

Семья этого типа состоит из потомков первой пары, которые между собой братья и сестры, и из дальнейших потомков, из которых каждое поколение тоже между собою братья и сестры, а потому мужа и жены. Союзы этой семьи легко расторгимы.

Вероятнее всего, что библейская семья Адама и Евы также представляла из себя кровородственную семью, где все дети Адама

и Евы—их сыновья и дочери были между собою мужьями и женами. И Авраам говорит про Сарру (глава 20): „Да она и по-длинно сестра мне: она дочь отца моего, только не дочь матери моей; и сделалась моею женою“.

Кровородственная семья вымерла, уступив свое место—*пуналуа-семье* (пуналуа—друг, товарищ).

В то время, как кровородственная семья исключает из сожития родителей и их детей, пуналуа-семья исключает братьев и сестер. Таким образом жены берут себе мужей из другой семьи или из другого рода.

Этим выделением родителей и единоутробных сестер и братьев у брачующихся пар преследовалась определенная цель. Одно или несколько поколений сестер составляли одно хозяйство, их единоутробные братья—другое хозяйство. Это давало возможность не перегружать свыше нормы численность семьи. Каждое хозяйство получало свою площадь земли, на которой она располагалась и тем самым ослабевала опасность перенаселения.

Изменением формы семьи, следовательно, руководил главным образом закон экономики. Но из этой чисто экономической потребности сократить численность семьи сложилось впоследствии понятие о непристойности половых отношений между единоутробными детьми. Однако, понятие о пристойности и непристойности весьма растяжимое. То, что считается вполне пристойным при определенных экономических взаимоотношениях одной эпохи, считается в высшей степени непристойным при другом экономическом положении.

Церковь проклинает людей, запятнавших себя кровосмешением; медицина предупреждает, предрекая болезненное потомство. Но, не будь в определенной эпохе полового союза между единоутробными братьями и сестрами, не могло бы существовать и само человеческое общество.

Родственные отношения пуналуа-семьи таковы: детей сестер моей матери моя мать называет своими детьми, детей сестер моего отца мой отец называет своими детьми; все они вместе мои братья и сестры.

Детей братьев моей матери моя мать называет племянниками и племянницами; детей братьев моего отца мой отец называет своими племянниками и племянницами; все они вместе мои двоюродные братья и двоюродные сестры. Мужья сестер моей матери—в то же время мужья моей матери; жены братьев моего отца—в то же время жены моего отца. Но братья моей матери и сестры моего отца исключены из семейной общности, они члены другого рода.

Но так как братья и сестры не могут быть мужьями и женами,

то муж и жена не принадлежат более к одной родовой группе, у них различные прародительницы. Такое обособление от родовой группы происходило постепенно—сначала в виде исключения, а затем как закон, освященный религией. Но союз этой семьи легко расторгим.

Вследствие запрещения половых отношений сперва между близкими, а затем между дальними родственниками групповой союз выродился в *парную семью*.

Парная семья основана на сожитии в течение продолжительного времени одной и той же пары. Такие пары существовали и во время пуналуа-семьи, муж из многих жен выбирал одну *главную* жену; для нее этот муж случайно тоже был первым между остальными. И этот союз легко расторгим.

Дальнейшее запрещение сожительства между кровными родственниками не останавливается на запрещении брачных союзов между единоутробными братьями и сестрами. Он идет гораздо дальше и распространяется на самых дальних родственников. Это запрещение сделало невозможными браки группами и заменило групповую семью *случайной семьей*. При этой форме семьи мужчина живет с одной женщиной, но за ним остается право многоженства. Хотя этим правом он *по экономическим причинам* очень редко пользуется. Но зато от жены случайная семья требует верности и жестоко карает ее за измену, не взирая на легкую расторгимость союза.

Переход от пуналуа-семьи к случайной семье опять-таки вызван чисто экономическими соображениями. Чрезмерное возрастание рода ухудшает общее экономическое положение всего рода. Необходимо ограничить рождаемость или разделить род на отдельные самостоятельные группы. И это достигается путем запрещения групповых браков.

Небезынтересно отметить пережитки седой старины в области брачных союзов, дошедшие до нас и упорно сохраняющиеся в наши дни, как законы, освященные религией.

Запрещение заключать браки между родственниками сохранилось до наших дней, но формы его различны у различных национальностей. Христианская церковь запрещает православным и католикам брачные союзы между самыми дальними родственниками. Лютеранская церковь—тоже христианская—разрешает браки даже между двоюродными сестрами и братьями. Еврейская религия тоже разрешает заключение браков между двоюродными сестрами и двоюродными братьями, но она также разрешает браки между дядей и племянницей, при условии, если невеста является дочерью брата матери, но не дочерью сестры матери. Здесь, следовательно,

сохранились еще родственные отношения пуналуа-семьи, когда дети братьев моей матери—мои двоюродные братья и сестры.

Небезынтересно также отметить, что во всех вышеприведенных формах семей расторгимость союзов чрезвычайно легка. Пары по обоюдному влечению свободно сходятся и так же свободно расходятся. А посему ни на чем не основано утверждение церкви, что брак не расторгим, и что он, закрепленный самим богом, самим богом может быть разрушен, и то только тогда, когда наступает смерть. Правда, и сейчас, когда брак провозглашается ненарушимым; узы его обязательны, главным образом, для бедноты—для рабочих и крестьян. Богачам, несмотря на все жестокости кары за нарушение брачного обета, всегда давалась возможность расторгнуть брак. Для этого только нужно было дать достаточную взятку владыке православной церкви или римскому папе в католической церкви, и тогда все недозволенное становится дозволенным.

Что служило причиной изменения половых отношений и формы семьи?

Экономика, экономика и еще раз экономика. Чисто экономические причины повели к тому, что первобытное парное сожительство уступает место кровородственной семье. Происходит это потому, что людям необходимо объединиться ради совместного добывания пищи и ради защиты от хищных зверей.

Кровородственная семья уступает свое место пуналуа-семье, вследствие необходимости раздробить сильно возросшее число членов семьи. С раздроблением семьи, отделившаяся часть получает свою площадь земли, обзаводится своим хозяйством и таким образом предохраняет род от перенаселения и от всех связанных с перенаселением бедствий.

Переход от пуналуа-семьи к случайной семье с запрещением половых союзов между самыми дальними родственниками является следствием необходимости ограничить рождаемость, которая опередила развитие техники, а с ним и количество продуктов питания.

Ни религия, ни нравственность и ни мораль не играют здесь роли. Реформатором-преобразователем является закон о перенаселении, т.-е. вопрос экономического благосостояния семьи или рода.

Правовое положение женщины в первобытной семье.

В групповой семье невозможно с точностью доказать отцовство. В виду того, что трудно указать с точностью отца по крови, но всегда можно указать мать кровных детей, дети и род носят поэтому название по матери, а не по отцу. Почтение к женщине-матери

у коммунистического и патриархального рода, особенно в первой его половине, очень велико.

Обыкновенно домашним хозяйством распоряжалась женщина, хотя все запасы и были общие. В коммунистической семье женщина—руководительница и начальница семейной группы или рода. Она—умиротворительница и судья и, как священнослужительница, выполняет религиозные обряды. Женщина—председательница на собраниях и хранительница священного огня. Громадный труд, который ей приходится выполнять на пользу семьи, внушает к ней еще большее уважение со стороны членов рода.

Совершенно неправильно, следовательно, утверждение буржуазных ученых, верных слуг капитализма, что женщина и на первых порах общественной жизни была рабой мужчины.

Отличительный признак семьи в период господства женщины-матери или материнского права — *коммунизм, общность имущества.*

Право наследования.

Пока производство жизненных средств находилось на низкой ступени и удовлетворяло лишь самые насущные потребности, деятельность мужчины и женщины почти ничем друг от друга не отличалась. С развитием техники и усилением производительности рода произошло разделение труда между мужчиной и женщиной. На долю мужа выпала работа по добыванию пищи и нужных для этого средств производства, как-то: топор, лук, рыболовные принадлежности и т. п. На долю женщины выпали главным образом заботы о приготовлении пищи,—ее орудиями производства являлась домашняя утварь. При расторжении брачного союза муж, возвращаясь в свой род, уносил с собой свои орудия производства. После смерти мужа его орудия производства также переходили в его род в виде наследства детей его сестры, кровное родство которых он мог установить. Его же собственные дети, или вернее дети его жен, от него ничего не наследовали, ибо установить отцовство ему, при смешанном браке, было невозможно или крайне трудно.

Пока орудий производства и у мужа и у жены было весьма мало, род не заботился о том, кто будет наследником имущества покойного. Обыкновенно орудия производства матери оставались в ее роде, а орудия производства мужчины возвращались в его род, к его родоначальнице и его сестрам.

С введением скотоводства и земледелия—новых пищевых источников, собственником которых, в силу господствующих тогда обычаев, считается мужчина, положение мужчины меняется. Вместе с увеличением его богатств растет и его сила и значение в семье, и

возникает вопрос о праве наследства. Но возникает он не сразу, а постепенно. Долго еще продолжает отец свои возросшие богатства передавать по наследству не своим детям, а своему роду.

С переходом к оседлой жизни, с возрастанием прибавочного труда, с разделением труда в родовой группе и возникновением междуродовых связей, с возникновением обмена, рынка, денег и зачатков частной собственности род начинает интересоваться правом наследства.

Теперь роду далеко не безразлично, кто будет пользоваться всеми богатствами мужчины при расторжении брака или после его смерти. Род заинтересован в том, чтобы имущество мужа оставалось в роде и ради собственности, ради наследства были перевернуты все старые понятия, изменен весь строй рода, и власть от матери перешла к отцу.

Материнское право уступило место отцовскому праву.

Совершилась первая великая революция, явившаяся следствием чисто экономических вопросов, но повлекшая за собой неслыханный до тех пор политический переворот, приведший, по выражению Энгельса, ко всемирно-историческому поражению женщины.

Женщина-мать из первого члена общества, из равного ее члена, превращается в рабыню. Вместе с введением отцовского права и господства мужчины-собственника, женщина исключается из собрания совета, лишается не только руководящего влияния, но и права голоса. Женщина, с введением отцовского права, приравнивается к вещи и скоту. Десятая заповедь, предназначающаяся мужчине, определено гласит: не пожелай ни жены ближнего, ни осла его, ни слуги, ни скота, ни всего, что принадлежит ему. Скот и жена—равноценны.

Единобрачная семья.

С переходом власти к отцу происходит переворот и в семейных отношениях. Мужу-собственнику необходимо иметь детей несомненного происхождения, так как они, как кровные наследники, вступают во владение отцовским имуществом.

Единобрачная семья резко отличается от случайной семьи. Право расторжения брака при этой форме семьи принадлежит исключительно мужу. Мужу же дается исключительное право нарушать супружескую верность. Воясь внесения в семью чужого ребенка, которому придется уделить часть наследства, муж и стоящие на страже его интересов законодательство и церковь строго карают женщину за нарушение супружеской верности. Но этот же

муж не останавливается перед внесением своего ребенка в чужую семью, сожительство с женою своего друга.

Как видим, свобода брачного союза и свобода его расторжения, точно так же как рабская зависимость женщины в браке, лишение ее права разрушения семейных уз—все это основано на чисто экономических взаимоотношениях. Во всех перечисленных выше формах семьи не было ничего ни божественного, ни антибожественного.

Церковь приклеила свой ярлык к брачным формам гораздо позже их возникновения. Стоя всегда на страже интересов наиболее сильного, в данном случае мужа, церковь именем божьим поведывает жене: покоряйся своему мужу, будь ему верной женой, блюди верность по отношению к нему даже и тогда, когда он лживо и открыто изменяет тебе. Нерасторжимость брака со стороны женщины желательна мужу, тем более, что сам он пользуется свободой половых отношений, и церковь приходит на помощь мужчине тем, что лишает этого права женщину. И все это делается именем бога, хвалы его ради.

Ф. Энгельс в своем „Анти-Дюринге“ так описывает уклад родового быта в период материнского права:

Народонаселение редкое, разбросанное. Каждое племя живет в одном месте, за местом под жильем лежит большой участок земли, отведенный для охоты; за ним нейтральный пограничный лес, отделяющий одно племя от другого. Разделение труда только между мужчиной и женщиной. Мужчина сражается с внешним врагом, охотится, ловит рыбу, добывает сырой материал для пищи и изготавливает нужные для его занятий орудия. Женщина заботится о домашнем хозяйстве, приготовляет пищу, тклет и шьет одежду. И тот и другая самостоятельно действуют в области своих занятий: муж в лесу, женщина в доме. Все орудия, изготовленные мужчиной для его промыслов, составляют его собственность; изготовленные женщиной для ее занятий—ее собственность; оружие, принадлежности охоты и рыболовства—собственность мужчины, домашняя утварь—женщины. Домашнее хозяйство коммунистическое из нескольких или многих семей, доходящее порою до 700 и более членов (на с.-з. берегу Америки). Что производится и употребляется сообща, то составляет общую собственность: дом, огород, лодка.

Таков экономический уклад коммунистической семьи. Ему соответствует и политическое устройство, которое Энгельс в „Развитии семьи и собственности“ характеризует следующим образом:

Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, нет ни судей, ни темниц, ни процессов, а все идет своим порядком. Всякий спор и раздор раз-

бирается теми же, до кого он относится—родом, племенем или несколькими родами. Дела решают в них заинтересованные и, в большинстве случаев, на основании тысячелетних обычаев. Нет нашей сложной и запутанной административной системы, несмотря на общественный характер хозяйства. Нет бедных, нуждающихся: коммунистическое хозяйство и род исполняют свою обязанность по отношению к старым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, не исключая и женщин. Для рабства нет еще почвы, нет и порабощенных племен.

Характерным условием является малоразвитое производство, и, вследствие этого, редкое население на большом пространстве земли и полное подчинение человека окружающей его, но чуждой ему внешней природе. Для дальнейшего развития человечества надлежало разрушить первобытный коммунизм—и он был разрушен.

Самые низкие инстинкты—подлая алчность, страсть к грубым наслаждениям, отвратительная скупость, разбойническое присвоение общественного имущества сопровождают нарождение нового периода общественной жизни—цивилизацию. Устои старого, не разделенного на классы, общества распались самыми позорными средствами. Эти средства: воровство, насилие, хитрость, измена.

Бebelь характеризует последствия первой великой революции таким образом:

При старых отношениях материнского права не было писанных законов. Отношения были просты, и обычай свято хранился. Не было нарушителей общественной собственности, ибо все члены рода заинтересованы в его сохранении.

В новом, более сложном порядке, писанное право сделалось одной из важнейших потребностей; стали необходимы и особенные органы заведывания ими. Правовые отношения становились все более сложными и запутанными.

Объясняются все эти новшества тем, что с возникновением частной собственности стали необходимы и закон и учреждения, охраняющие это индивидуальное имущество от покушений сородичей. В коммунистическом роде все принадлежит всем. Все богатства являются общественным богатством. С возникновением частной собственности, богатство из общественной собственности превращается в собственность одного лица или одной семьи. И эта экономическая революция ведет за собою ту политическую революцию, которая, разрушив коммунальный род, принесла с собою величайшее поражение женщины.

ГЛАВА IV.

Возникновение рабства и причина распада рабовладельческого общества.

Производственные условия возникновения рабства.

Наряду с началом образования классов из собственников-пастухов и из должностных лиц, исполняющих общественные обязанности, происходил еще и другой процесс, а именно процесс возникновения *рабства*.

Естественное разделение труда внутри патриархальной семьи и развитие частной собственности потребовали в ходе своего развития применения одной или нескольких посторонних рабочих сил не из членов рода. Это особенно имело место там, где прежняя общинная обработка земли уступила место частной обработке земельных наделов отдельными семьями, земель, приобретенных путем войн, путем осушки и выкорчевки. Эти участки земли не переходили в общественное пользование; а становились частной собственностью лиц, так или иначе приобретших ее. Такую рабочую силу, получаемую извне, доставляли войны, которые велись непрерывно с тех пор, как образовались отдельные общественные группы.

Прежде труд военнопленных не был нужен, ибо прибавочного труда не было, и еды часто не хватало и для членов рода. Поэтому их просто умерщвляли, а иногда при этом пожирали их мясо. Теперь, с развитием производительной силы труда, потребовалось большее количество рабочих рук, и они получили известную ценность. Им стали дарить жизнь, чтобы пользоваться их трудом.

Так вследствие экономического прогресса появилось *рабство*.

Члены покоренной общины, мужчины и женщины, превратились в рабов.

До тех пор, пока общество состояло исключительно из кровных родственников,—не могло быть речи об эксплуатации одной частью

или одним членом рода—старшиною-патриархом остальных членов общества, ибо община еще не выделяла из своей среды свободных, излишних рабочих сил. Восстанавливать рабочие силы трудно, и по-сему должностные лица, как и весь род, заинтересованы в сохранении каждого отдельного работника, который ценится очень высоко.

С введением рабства—источника новой рабочей силы—положение резко меняется. Выбывшего из строя работника можно заменить новым рабом. Таким образом человек обесценивается. Он превращается в простое орудие производства, даже больше, он превращается в товар.

Вопрос о достаточном удовлетворении потребностей раба, о сохранении его силы и рода отпадает. Выбудет один раб, его заменят другим. Но зато на сцену выступает вопрос об извлечении наибольшей выгоды из рабочего-раба. Раба заставляют работать безграничное количество часов. Его кормят впроголодь, не заботясь о сохранении его силы и его работоспособности. О равенстве распределения, о снабжении всех членов общества по их потребностям нет больше речи в рабовладельческом обществе.

На сцену выступает эксплуатация, использование чужого труда не для блага всего общества, а только одной его части—группы собственников.

Превращение патриарха в собственника.

С развитием производительности, роль патриарха-старшины становится многообразной и начинает приобретать все большее и большее значение в жизни всего рода. Вести сложное хозяйство без организатора становится абсолютно невозможным. Возникшее разделение труда между отдельными общинными группами и вызванный тем самым обмен превращает патриарха в распределителя всех продуктов, в его фактического хозяина. Он распределяет продукт между членами рода, он выносит его на рынок для обмена. И в процессе обмена из собственности рода, из общественной собственности продукт превращается в частную собственность, в собственность патриарха.

Благодаря возникшему обмену, патриарх-собственник заинтересован в получении большего количества продуктов. Он и его семья не могут съесть больше продуктов, чем другие члены рода, но они могут выменять их на другие вещи, нужные в домашнем обиходе, на украшения. Возникает неравенство в распределении продуктов. Благодаря такому положению вещей, патриарх и его семья начинают выделяться из всего рода своим материальным благосостоянием, своим богатством.

Патриарх-руководитель превращается в эксплуататора, в паразита. Он не только пользуется безвозмездным трудом своих сородичей и рабов, он и самую организаторскую работу перекладывает со своих собственных плеч на плечи рабов. Всю работу по организации труда, распределения и управления патриарх передает по частям целому ряду наиболее способных работников, которые за него, его именем и вершат все дело.

Положение личности в группе и в обществе.

С возникновением частной собственности и рабства личность работника совершенно обесценивается. Для процветания общества становятся необходимыми троякого рода орудия: мертвые орудия—топоры, ножи и т. п. орудия производства, орудия живые—домашний скот, и орудия, одаренные речью—люди-рабы.

Раб есть одно из орудий производства, могущее своим трудом дать прибыль, прибавочный продукт. Раб и расценивается, как орудие производства. Хозяин содержит его до тех пор, пока он способен к труду. Раб выбрасывается на улицу, как износившийся негодный инструмент, когда у него нет больше сил трудиться. Но в то время, как бережливый хозяин бережно обращается со своим инструментом, ибо его трудно приобрести или он дорого стоит, он с малейшим отсутствием бережливости относится к рабу. Раба заставляют много работать и дают мало есть. Раб, как рабочая сила, скоро изнашивается, но это никого не печалит. Выбывший раб заменяется новым, приобретенным в войне, или купленным, как всякая другая вещь. Это отношение к рабочему рабу переносится и на его семью. Патриархальное общество не заинтересовано в сохранении рода раба, в его размножении. Раб становится вещью, товаром, его продают, его выменивают на рынке, его дарят другу. И так обращаются не только с ним, но и с его семьей, которую продают и выменивают на другие товары оптом или в розницу, разлучая детей с родителями, мужей с женами, как это делали в недавнее время—в период крепостного права—у нас в России помещики с крестьянами.

Господином, угнетателем, эксплуататором раба все же становится не весь патриархальный род, не все его члены, а только патриарх и группа должностных лиц, отправляющих общественные обязанности, захвативших вместе с частною собственностью и с экономической властью и политическую власть. Теперь уже и кровные члены рода, благодаря возникновению частной собственности и системы рабства, превращаются в рабов. Нарождающийся господствующий класс волен теперь распоряжаться не только жизнью и

смертью рабов, но и жизнью своего сородича—коренного члена общества. Патриарх и его помощники не только распределяют работу и следят за ее исполнением, не только отдают распоряжения, но и карают за невыполненную работу.

Патриарх, как собственник, заинтересован в увеличении производительности, т.-е. получении большего количества богатств и уменьшении потребления, его расходовании. Отсюда—голодное существование рабов и переход всех богатств к небольшой группе членов господствующего класса. Прямое следствие такого порядка вещей—возникновение нищих, голодных, бедняков с одной стороны и сытых, имеющих избыток, изобилие продуктов—богачей с другой стороны.

Первобытный коммунистический род, не знающий частной собственности, не знает ни господ, ни рабов, не знает деления на бедных и богатых. Патриархальный род, в котором частная собственность играет уже большую роль, делит общество на господ и рабов, на богатых и бедных.

Возникновение частной собственности обесценивает личность не только в роде, не только в обществе, но и в самой семье. Глава семьи, патриарх, отец и властелин в своей семье. Он волен распоряжаться жизнью и смертью своих жен и детей. Предписав жене строжайшую верность брачному ложу, он оставил за собой право измены верности жене, право обзаводиться целым рядом жен. И этим правом он пользуется для своих корыстных частновладельческих целей. Он продает и своих жен и своих детей, как всякий другой товар, и никто не может ему запретить этого, ибо это его законное право—право частного собственника.

Междугрупповые отношения.

Разделение труда между отдельными общественными группами и рост обмена повели к специализации производства в отдельных родовых общинах. Образовались общины, занимающиеся исключительно скотоводством, исключительно земледелием или воспроизведением орудий производства. Выделение специалистов-ремесленников внутри рода повело в дальнейшем к тому, что в целом роде, в целой общине все члены общины занимались преимущественно данным ремеслом.

При таких условиях, обмен из случайного явления превратился в жизненную необходимость. Целый ряд обществ без взаимного обмена продуктами производства, правильнее, без регулярной купли и продажи, не может больше существовать. Оживленный обмен вызвал потребность чеканных денег, заменивших деньги-металлы, развешиваемые по частям. Чеканная монета различного достоинства во много облегчила и упростила обмен или торговые операции.

Усиленный обмен вызвал к жизни два новых сословия—ремесленников и торговцев. Ремесленники, специализируясь в своих занятиях, стали незаменимыми людьми в деле процветания и расширения производства и для собственника-богача, и для его семьи. Постоянный обмен потребовал целую группу лиц, которые специализировались в деле обмена и разыскивали рынки для сбыта своего товара. В процессе дальнейшего разделения труда специалист-торговец стал необходимым, как организатор обмена.

Выступление ряда родственных родов в общих военных и охотничьих предприятиях создало между этими обществами своего рода политический союз. В задачу таких союзов входило—общая, совместная защита интересов всего союза в целом и каждого рода в отдельности. Торговые взаимоотношения и торговые связи в свою очередь создали союз, возникший из мирных торговых отношений.

Положение рабов и господ.

Рабы, превращенные, благодаря эксплуататорским стремлениям собственников, в простые орудия производства, естественно лишены были всякой возможности развиваться. Стремление господ получить от них возможно большее и дать им возможно меньшее возымели свое действие. Среди рабов царило полное угнетение и отупение. И, благодаря этому отупению, они проявляли малую активность в борьбе за свое освобождение. Слабые же попытки к освобождению, делаемые рабами, подавлялись со стороны господ со всею жестокостью.

Подавляя всякое стремление к свободе и самостоятельности у рабов, господа взяли себе все права для развития познаний. Развивая и расширяя производство, перекочевывая с места на место, вступая в торговые связи с соседними общинами, господствующая часть рода расширяла кругозор своих познаний и своего мировоззрения. Зависимость от сил природы с развитием производства у человека все более и более ослабевала. Натуральный фетишизм, возникший вследствие бессилия человека объяснить себе явления природы, уступает место познанию. Многое, что казалось непонятным, таинственным, сверхъестественным первобытному человеку, становится простым, понятным и ясным человеку, обогащенному известным запасом опыта и знаний.

Отсутствие прибавочных продуктов не давало человеку уверенности в завтрашнем дне. Поиски питания поглощали все его время, не оставляя ни одного свободного часа для развития. Обилие продуктов питания и освобождение господ, благодаря рабству, от необходимости заботиться о пропитании, дают им возможность посвятить весь свой досуг наукам.

Господствующая часть общества занимается почти исключительно техническими знаниями, изучая и развивая инженерное, строительное дело, способы обработки металлов и т. п. Но с течением времени интерес к техническим знаниям, как к знаниям, которые служат производительному, т.-е. рабскому, труду, у господ ослабевает. Они изучают математику, астрономию, философию, искусство. Все же практические познания господ сводятся к умению использовать рабов. И к торговым занятиям господ относятся с пренебрежением, считая торговлю занятием непристойным и унижительным для себя. Но эти же господа несколько не считают унижительным для себя заниматься ростовщичеством.

Любимым занятием и главным времяпрепровождением господ составляют пиры, занятие поэзией да разговоры на политические темы, превращающие их в паразитов в полном смысле этого слова.

Причины распада рабовладельческих обществ.

Причин распада рабовладельческого общества было много. Среди них—недостаток рабочих рук, вследствие вымирания рабов из-за чрезмерной их эксплуатации; замедление хода развития техники, вследствие увлечения господ отвлеченными познаниями вместо развития прикладных, практических знаний; паразитическая роль господина-собственника и его семьи, которая на место свободного содружества коммунистического общества воздвигла общество господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых. Свободное общество первобытного человека было заменено обществом, состоящим из крупных рабовладельцев и придавленных материально и духовно членов родовой общины.

Разделение общества на господ и рабов ослабило военную мощь рода. Главные воины коммунистической семьи—все члены рода. Теперь род распадается на паразитов-господ, которые хотя и заинтересованы в войне ради ее добычи, но не имеют ни малейшего желания идти воевать сами. Вести войну при помощи рабов невозможно, ибо рабы не заинтересованы в победе своих угнетателей и поработителей. Крестьяне, как свободное сословие, в войне не заинтересованы—война лишает их возможности вести хозяйство и не дает никаких выгод, ибо добычу делят между собой богатые рабовладельцы.

С усилением благосостояния господ нищает народ и главным образом крестьянство. Крестьяне, постепенно разоряемые войнами и усиленной их эксплуатацией, лишаются своего имущества, земли и превращаются в пролетариев, т.-е. людей, лишенных средств производства.

Духовенство и рабство.

Таковы экономические причины, вызвавшие возникновение рабства и поведшие к распадению рабовладельческого общества. Все эти экономические факторы весьма далеки от уверений отцов церкви, что самим господом богом от сотворения мира было положено, чтобы на свете были богатые и бедные, господа и рабы. Наемные слуги капиталистов—духовенство, проповедуя с амвона покорность эксплуататорам, противоречат даже Библии, на которую они так часто ссылаются, когда это им нужно для затемнения сознания народа. Духовенство внушает рабочему классу; требует от него, — трудись в поте лица твоего для твоего господина-капиталиста. Терпи и молчи, когда он гнет тебя в бараний рог, когда он, как пиявка, сосет из тебя все соки и кровь, ибо так угодно господа твоему. Смирись, покорись, не ропщи, не бунтуй, напрасен твой труд, ибо сам бог повелел—быть во веки веков от сотворения мира до скончания его рабам и господам, бедным и богатым.

Но где говорил об этом господь? Где повелел он сотням и тысячам миллионов рабочих и крестьян служить кучке фабрикантов и помещиков, нам неизвестно?

В Библии в сказании о сотворении мира говорится:—бог создал Адама и Еву. О сотворении же рабов, долженствовавших трудиться для Адама и Евы, не сказано нигде ничего. Не говорится ничего о рабах и в сказании об изгнании Адама и Евы из рая. Наоборот, там сказано—в поте лица будете вы есть хлеб свой, т.е. вы сами, а не рабы для вас, будете работать, чтобы кормить себя. И у Ноя не было рабов и прислуги, ибо после потопа спасся только он и его семья.

Не было рабов и господ в первобытном коммунистическом обществе. Не было рабов и в патриархальном обществе до возникновения частной собственности. Только с возникновением частной собственности общество начинает делиться на господ и рабов, на эксплуататоров и эксплуатируемых.



ГЛАВА V.

Феодальное общество.

Основы феодального общества

1) Основую патриархального общества было возникновение частной собственности на стада и выделение пастушеских племен. Основы феодального общества—возникновение частной собственности на землю и развитие крестьянско-ремесленного производства в пределах одной общины.

2) С возрастанием плотности населения земельный простор уменьшается, и кочевым племенам приходится все больше и больше оседать на одном месте. Недостаток пастбищ ограничивает расширение стад. Земледелие из подсобного занятия при скотоводстве начинает становиться центром деятельности общины.

3) Возникновение обмена и рабства повели за собою нарушение системы сотрудничества, основанной исключительно на кровном родстве. Если совместные большие охоты или совместное ведение войны происходили еще между родственными группами, то общие производственные и меновые предприятия связывают уже группы и не родственные друг с другом.

Община, в которую входят теперь тысячи и более народа, составляется из одной или нескольких деревень. Все члены этой общины владеют сообща лесом, выгоном и водою. Поля же в большей своей части уже в этот период начинают становиться частной собственностью. Обыкновенно такая община ведет натуральное хозяйство, т. е. производит все нужное для себя сама. Она имеет свои продукты земледелия, свое сырье, которое свои же крестьяне-ремесленники совместно с рабами перерабатывают.

Производственные и распределительные отношения феодальной группы.

Разделение труда между отдельными членами или группами в патриархальном обществе повели за собой расчленение всего рода на небольшие семьи и выделение и обособление отдельных семей.

Таковы семьи патриарха, руководителей и т. п. С переходом от скотоводства к земледелию, это обособление отдельных семей начинает становиться обычным явлением. Причины такого обособления—чисто экономические, а именно возникновение частной собственности на землю.

Как и когда земля из общественного пользования начала переходить в частную собственность, с точностью установить трудно, ясно одно,—частная собственность вообще, хотя и ограниченная известными предметами, издавна существовала в первобытной, естественно выросшей, общине. С возникновением обмена, продукты труда, в процессе обмена, превращаясь в товар, рассматривались, как частная собственность. Чем больше продуктов приготавливалось специально для обмена, тем более неравным становилось имущественное положение отдельных членов общины и тем быстрее разрушалась форма общинного владения землей.

Если большая часть земельной площади, подлежащая обработке, еще принадлежит всей общине как таковой, то отдельные участки земли уже начинают становиться частной собственностью. К таким участкам земли, собственниками которых являются отдельные семьи, относятся расчищенные от камней, выкорчеванные и высушенные участки земли. К ним присоединяется земля, завоеванная у соседних племен. Такая земля обыкновенно становится не собственностью всей общины, а собственностью участников войны и главным образом руководителей войны. Имущественное различие между семьями ведет к полному разрушению коммунистического домашнего хозяйства, а также к уничтожению общественной обработки полей. Общество начинает делиться на богатых и бедных. Обособление богатых от бедных возрастает. *Имущественное неравенство и экономическая зависимость бедных членов общества от богатых характеризуют собою феодальное общество.*

Неравенство хозяйственных единиц, усиление благосостояния одних семей за счет других становится обычным явлением в феодальном обществе. Наиболее зажиточная семья, имея в своем распоряжении рабов, может усовершенствовать свое хозяйство. Будучи более устойчивым в моменты народных бедствий—неурожая, градобития и т. п., такое семейство приходит на помощь более слабым семьям, чтобы затем закабалить в свою пользу эти семьи, изводя их отработками.

Экономическая сила отдельных семей, все больше и больше развиваясь, переходит в политическую силу, при которой наиболее богатые семьи, или вернее наиболее богатая семья, становятся господином общества. Временная роль руководителя войны, выборная должность старшины общины превращаются теперь в должности постоянные и наследственные.

В основе политического господства повсюду лежало господство экономическое. Староста, сотник, десятский, судья всегда избирались из наиболее богатых членов общества. Вот почему и крупный землевладелец и скотовод—вернее, крупный собственник, присвоивший себе общественную должность или военно-организаторскую роль—становится не только экономическим, но и политическим господином общины, ее феодалом.

Чем больше развивается собственность рода или частная собственность отдельных его членов, тем больше является людей, покушающихся на эту собственность. Феодалному обществу, с его возросшим благосостоянием, приходится вести еще больше войн, чем обществу патриархальному. Для защиты всей общины и отдельных ее членов, феодал строит укрепленные замки, где в случае нападения врагов укрываются крестьяне и их семьи. Феодал строит мосты, дороги, устраивает общественные мельницы и пекарни, словом, заботится о благосостоянии членов своего рода. Но за все эти заботы о членах общины раслачиваются сами члены общества, т.-е. крестьянские семьи.

Первоначальная форма расплаты крестьян, членов общины с феодалом-господином общины выражается в отработках или барщине. Крестьяне работают установленное количество дней на феодала—барщинная работа на помещика в период крепостного права.

Сырье, получаемое от скотоводства и земледелия, перерабатывалось в самой общине. Сначала член общины—крестьянин и его семья одновременно земледельцы и ремесленники. С течением времени, с развитием техники, ремесло начинает все более и более обособляться от земледелия. Появляются специальные кузнецы, мельники, ткачи, сапожники и т. п. Феодалному хозяйству нужны рабочие руки и не только в области земледелия. Он заинтересован и в продуктах обрабатывающей промышленности, как для своей семьи непосредственно, так и для обмена. Сам заинтересованный в труде ремесленника феодал считает невыгодным чрезмерно притеснять ремесленников. Он поэтому дает ремесленникам некоторые льготы, ставя их в известную материальную зависимость от себя. Ремесленник должен поставлять феодалу определенное количество продуктов своего ремесленного труда или же определенную сумму денег. Такая повинность носит название *оброк*. Но уже в феодалный период возникает и третья форма зависимости членов общины от феодала, выражающаяся в личном услужении феодалу. Обыкновенно прислугу феодала составляли наиболее беднейшие члены общины. Их зависимость от феодала достигала наибольшей степени, потому что они, как неимущие, жили исключительно милостями господина. Это были домашние рабы—*дворовые*, набираемые

не из рабов, не из чужих покоренных общин, а непосредственно из своих же членов рода.

Деление на богатых и бедных, на господ и рабов выявляется в феодальный период с полной ясностью.

Зависимость всех членов общины от феодала, который берет на себя роль защитника всей общины от набегов соседних племен, дает феодалу возможность считаться собственником или владельцем всей общинной земли. Феодал—господин, остальные члены рода—его подданные.

С усилением частной собственности и власти феодала, ослабевает родственная связь между отдельными членами рода и меняются взаимоотношения членов рода. Коммунальная семья основана на общности имущества. Никто не заинтересован в похищении или уничтожении имущества, ибо все члены семьи получают необходимые им продукты, согласно их потребностям. Понятия преступления или проступок, за редкими исключениями, не существовали в коммунальной семье. Член семьи, нарушивший установленный обычай, внушал стихийный страх, и его, из чувства самосохранения, изгоняли из общества, обрекая тем самым на голодную смерть.

Возникновение частной собственности ведет за собою и нарушение этой собственности. С нарушителем интересов собственника борются уже не стихийно, а организованно. Вырабатывается специальное законодательство, которое должно сохранять имущество собственника. Создается целый ряд институтов и учреждений, как-то: законодательные органы, суды и тюрьмы, которые имеют свое специальное назначение карать нарушителей прав и преимуществ собственника. Складывается представление о законном и незаконном. Причем законным считается захват имущества у бедных, усиление благосостояния нескольких лиц или отдельных семей за счет большинства членов рода. Незаконным считается отставание своих прав целой группы или целой общины от покушения одного лица—собственника-феодала.

Феодал становится не только владельцем всей общинной земли, он не только собирает подати в виде барщины и оброка, он же становится законодателем и верховным судьей, он сам пишет законы, сам их утверждает и сам их проводит в жизнь.

Междугрупповые отношения феодального общества.

Феодальное поместье, основанное на натуральном хозяйстве, т.-е. на хозяйстве, где все потребности удовлетворяются производством в своей же собственной общине, экономически независимо.

Феодал защищает крестьян, но, как самый крупный собственник, он сам нуждается в защите. Феодалы находятся в состоянии беспрерывных войн. Более слабым феодалам необходим союз и помощь более сильных феодалов или более сильного феодала. Этот наиболее сильный феодал, объединяющий под своею властью более мелких феодалов, называется сюзереном. Этот сюзерен и есть будущий король или царь.

Усиление благосостояния коммунистической семьи естественно несло с собою улучшение положения *всех* членов семьи. Все производилось и добывалось членами рода для членов рода. Совсем иначе обстоит дело с возникновением частной собственности. Каждый шаг вперед в области техники ведет за собой увеличение продуктов питания. Но плодами усовершенствованной техники пользуется *не весь род, а только небольшая часть его, именуемая частью*. Все же остальные члены общины, с усилением могущества феодала и его семьи, *становятся во все большую зависимость от него*. Но феодалы мало заботятся о неимущих членах рода. Они заняты войнами и выездами ко двору сюзерена и короля. Они больше заняты заботами об удовлетворении своих личных потребностей, чем нуждами обнищавших членов рода.

Нужна была какая-то новая организация, которая взяла бы под свое покровительство нищих членов рода, которая бы пришла им на помощь. И такой организацией явилась католическая церковь.

Католическая церковь.

Общественная роль церкви возрастала в течение целого ряда веков. Чем глубже падало рабовладельческое общество, тем шире разрасталась и тем теснее организовывалась католическая церковь. Церкви силою вещей пришлось взять на себя организаторскую деятельность в удовлетворении тех общих потребностей, о которых беспрерывно воюющий, разлагающийся феодалы мир не заботился.

Католическая церковь выступает на арену экономической, политической и духовной жизни как раз тогда, когда классовые интересы членов общины особенно обострились. Увеличение богатств и частной собственности небольшой группы лиц вели за собою разорение и обеднение громадных масс народа, и католическая церковь явилась единственной организацией, которая взяла на себя заботы о неимущих. Занимаясь благотворительностью, церковь не только давала, но и получала. И получала она гораздо больше, чем отдавала беднякам. Церковь заставляла исправно

оплачивать свое попечение о бедных. Пользуясь, благодаря своей благотворительности, громадным влиянием на народные массы, церковь стала центром экономическим и политическим. Получая громадные дары и земельные угодья от богатых собственников и королей, она непосредственно с трудового народа взимала в свою пользу „десятину“, т. е. десятую часть урожая каждого отдельного крестьянина. При таких условиях, житницы церкви были всегда полны, и ей ничего не стоило время от времени раскрывать их для народа, получая за все сторицей.

Насколько было сильно экономическое могущество церкви, можно судить по записям Франции о размерах церковных имуществ, сделанных в эпоху Великой Французской революции. Согласно этим данным в Комбрези церкви принадлежало $\frac{14}{17}$ всей земли, т. е. больше трех четвертей всей земли. В Энго и Арга—три четверти, в Франшконтэ, Русильоне и Эльзасе—половина и т. д. (*Луи Блан*—„История Французской революции“). В Германии площадь земли, принадлежавшая в 1786 году церкви, составляла 1.424 кв. мили.

Церковь, следовательно, являлась одной из крупнейших феодальных собственников. Она также вела свое земледельческое крепостное хозяйство, как и феодал. И у нее крестьяне находились в крепостной зависимости. Одною рукою церковь давала, а другою она сторицей собирала с тех же крестьян-рабов. Благодаря своему могуществу экономическому, она играла и громадную роль политическую. Церковь оказывала помощь не только отдельным обедневшим крестьянам или горожанам, она оказывала поддержку и феодалам в их непрерывных войнах. Становясь на ту или другую сторону, она предreshала исход войны. Церковь нередко, благодаря своему могуществу, диктовала условия королям или становилась советчиком и руководителем королей.

Церковь была сильна не только своей экономической и военной мощью, она была и культурным центром того времени. Церковь строила школы, учила народ, двигала вперед технику; она занималась не только земледелием, в ней процветали и ремесла. Церковь научила германцев лучшим методам земледелия. Духовные лица познакомили тех же германцев с искусствами и усовершенствованными ремеслами. Церковь покровительствовала городам и содействовала развитию торговли.

Великие рынки в большинстве случаев устраивались в самих церквах или близ них. Церковь всячески заботилась о том, чтобы привлекать на эти рынки покупателей. Церковь заботилась о содержании великих торговых путей. Торговые сношения казались церкви столь важными, что она считала необходимым вступать в

сношения с еврейством, как представителем высокой культуры. Папы долгое время защищали и поддерживали евреев, *они с радостью принимали у себя евреев и всячески старались привлечь их к себе, видя в них представителей высшей культуры.* Лишь тогда, когда купцы - христиане научились ведению торговых дел и организации коммерческих предприятий не хуже евреев, *против евреев начались гонения, как против конкурентов христиан.*

Но церковь в своей деятельности руководилась не одними побуждениями любви к ближнему. Она преследовала и свои личные цели. Церковь понимала, что чем сильнее будет ее экономическое состояние, тем будет сильнее ее политическая власть. Поэтому церковь обнаружила невероятную жадность в деле накопления земельной собственности. Захватывая земли, она тем самым, как феодал, хотя и духовный, подчиняла себе обитателей данной земли. Не довольствуясь земельными угодьями и „десятиною“, церковь организовала обширную систему всевозможных поборов на благочестивые дела. Поборы эти с течением времени все более и более возрастали и ложились тяжелым бременем на трудовой народ.

Для того, чтобы влиять не только на широкие народные массы, но и на феодалов и на королей, церкви нужна была крепкая, стройная организация. Тип объединения, в который отлилось ее устройство — строго централистический — сверху донизу, подобно армии. Низшие члены подчинялись высшим. Верховная власть сосредоточена в руках одного лица — папы.

Ремесленники.

С развитием техники, с ослаблением власти природы над людьми, разделение труда и меновые отношения отдельных общин все более и более развивались и расширялись. Натуральное хозяйство коммунистического и патриархального общества, при котором все потребности общины удовлетворялись самой общиной, внутри общины заменилось хозяйством меновым. Разделение труда между отдельными общинами приняло такие размеры, что каждое отдельное общество без помощи, без обмена продуктами со своими соседями, уж более не могло существовать. И в самой феодальной общине разделение труда между отдельными членами общины завершилось полностью. В то время как член патриархального общества одновременно занимается земледелием, скотоводством и ремеслом, объединяя в своем лице земледельца и ремесленника, в феодальном обществе происходит специализация. Земледелец занимается только земледелием, ремесленник — только ремеслом.

Продукт труда ремесленника есть главным образом продукт

обмена. Ему поэтому необходимо быть ближе к центру обмена — к рынку. Рынки обыкновенно устраивались у больших проезжих дорог. Рынки, благодаря их богатствам, служили часто предметом вождения соседних народов, которые, ради добычи, производили на них набеги. Для защиты от набегов площадь, называемая рынком, ограждалась заборами, иногда окапывалась глубоким рвом. Эти огражденные площади и послужили основанием для образования городов. И в эти-то города и устремились главным образом ремесленники.

Находясь по отношению к своим феодалам в зависимости оброчной, ремесленники, внесши феодалу определенный оброк в виде денег или продуктами своего производства, во всем остальном были почти свободными людьми. Находясь в городах, вдали от консервативных устоев общины, вдали от гнета господина, объединенные общими интересами производителей богатств, ремесленники начали объединяться в ремесленно-политические союзы. Союзы эти, с течением времени, стали настолько мощными, что могли порою ограждать своих членов от слишком широких аппетитов феодалов светских и духовных. Там же, где союзы ремесленников чувствовали, что им самим не защитить себя, они прибегали к помощи то духовных, то светских феодалов. Вообще же ремесленники почувствовали себя внутри своих городов определенной не только экономической, но и политической силой.

Сравнительная экономическая независимость ремесленников дала им максимальную, для того времени, духовную независимость. Ремесло, не будучи сковано рамками общинных форм производства, встречало гораздо меньше препятствий в деле развития технического прогресса. Феодал за редким исключением не ограничивал ремесленника в его развитии, ибо феодал был сам заинтересован в этом развитии. Наоборот, искусство ремесленников даже поощрялось имущим классом, так как доставляло ему более совершенные предметы обмена и роскоши. В силу этого, ремесленник, хотя и подвластный феодалу, хотя и фактически его крепостной, все же встречал на пути своего развития гораздо меньше препятствий, чем крестьянин-земледелец.

Культурное состояние феодального общества.

Феодальное общество характеризует собою переход в высшую фазу культурного развития. К услугам человека явилось железо. С феодализмом настает не только время железного меча, но и железных плуга и топора. С употреблением железа стало возможным земледелие в больших размерах и обращение под посев участков

земли из-под леса. Железо доставило ремесленнику инструменты крепче и острее всякого камня и всех остальных металлов.

Племена и союзы племен переселились в города и окружили их каменными стенами с башнями. Жили они в каменных или кирпичных домах,—прогресс строительного искусства. Богатство быстро росло, но оно принадлежало отдельным лицам, отдельным семьям. Тканье, обработка металлов и др. ремесла разнообразили свои произведения. К сельским продуктам — зерну, стручковым растениям и разным овощам — прибавились масло и вино.

Такие разнообразные произведения уже не могли изготовляться одним и тем же лицом.

Наступило время второго великого разделения труда: ремесло отделилось от земледелия. С разделением производства на две главных ветви — земледелие и ремесло — возникает производство товаров, т.е. такое положение, когда товаров на рынке много, а покупатель — крестьянин или ремесленник — за отсутствием средств вследствие эксплуатации не в состоянии купить себе самого необходимого, а вместе с этим развивается и торговля, не только сухопутная, но и морская.

Таково экономическое состояние феодального общества. А вытекающие из него общественные взаимоотношения и роль личности таковы: теперь, кроме свободных и рабов, являются еще бедные и богатые. С новым разделением труда наступает разделение общества на классы.

Феодальное общество, в противовес коммунистическому обществу с его равенством и братством, основывалось на порабощении, на угнетении личности. Над личностью крестьянина — члена общины — тяготел авторитет общины с ее установившимися обычаями, верованиями и преданиями, с преклонением перед стариною, давящими всякое свободное проявление отдельной личности. За общиной следовал феодал — властитель жизни и смерти всякого отдельного члена общества. Феодал — сборщик податей и налогов в виде барщины или оброка. Он же законодатель и судья. Церковь со своей стороны смотрела на общину и на каждого ее члена, как на определенную статью дохода, взимая в свою пользу „десятину“ и другие законные и незаконные поборы. Церковь не только материально, но и духовно порабощала общину, навязывая членам ее свою религию, закабалая их своим авторитетом.

Крестьянин — член общины — был окружен тесным кольцом господ, навязывающих ему каждый свою волю. *Лишенный воли, порабощенный, как член общества, крестьянин в свою собственную семью, вместо стремления к свободе, вносил тот же дух*

порабощения и угнетения. Отец семейства — глава семьи — был в семье царем и богом. Он требовал от своих домочадцев полнейшей покорности своей воле. Он мог располагать жизнью и смертью своей жены и своих детей. Всякое стремление к свободе своих членов семьи он так же жестоко пресекал, как пресекалось всякое стремление к свободе отдельных членов общества самой общиной.

Господа общины, феодал и церковь, отличались друг от друга только тем, что феодал представлял собою по преимуществу силу военную, церковь же смотрела на себя, как на селятельницу культуры, света и знания. Но знание церкви, ее наука служили не народу, а господам. Наука, развиваемая и распространяемая церковью, была прислужницей религии. А религия всегда и во все времена была прислужницей господ, экономически сильных. Церковь с момента ее возникновения, заключила союз не с порабощенными членами общества, не с рабами и крестьянами. Рабов церковь не только не освободила, но сама она стала наиболее крупной рабовладельцей. Церковь не только не протестовала против крепостной зависимости крестьян, но именем божьим она благословила угнетение человека, ради усиления могущества власть имущих. Будучи сама крепостницей, она, естественно, не могла бороться против крепостного права.

ГЛАВА VI.

Мелкобуржуазное общество.

Основные черты мелкобуржуазного общества.

Феодальное общество, возникшее на натуральном хозяйстве, очень быстро начало, благодаря быстрому развитию своих производительных сил, преобразовываться в хозяйство мелкобуржуазное.

Основую мелкобуржуазного общества явилось *резкое отделение производства от потребления*. Продукт, произведенный в одном месте, потреблялся за тридевять земель, в местах, совершенно неизвестных производителю. Производитель, т.-е. *рабочий, перестал быть непосредственным потребителем, как это было при натуральном хозяйстве, где крестьянин производил продукт и сам же им пользовался. Теперь рабочий производил главным образом исключительно ради продажи*. Ради расширения торговых рынков, ради развития обмена мелкобуржуазное общество занялось развитием путей сообщения, улучшением дорог, постройкой мостов, больших кораблей. Развитие техники и возрастание количества населения дали увеличение общественного труда.

Благодаря развитию путей сообщения, стало легче путешествовать. Путешествия расширили кругозор людей, дали им запас новых знаний, дали знакомство с другими странами, другими народами, другими нравами и обычаями. Рухнули вековые устои, тормозившие всякое свободное развитие личности. Ослабела власть природы над людьми.

Производственные и распределительные отношения в мелкобуржуазном обществе.

Казалось бы, что с ростом знания людей, с расширением кругозора, с освобождением от власти природы, человеческая личность должна была стать свободной. На самом деле мелкобуржуазное

общество несет с собою не освобождение, а еще большее закабаление трудящихся.

Производственные отношения мелкобуржуазного общества носят двойственный характер. Каждый производитель, т. е. каждый рабочий, волен заниматься чем он хочет. Он сам организует свое производство, но производит он не для себя и не для своей семьи, а для рынка. В то время, как в патриархальном и феодальном обществе на рынок выносятся только излишек продукта, мелкобуржуазное общество выносит на рынок весь продукт своего производства. Сапожник, производящий обувь, ходит босым, потому что произведенную им обувь он должен выменивать на хлеб. Иначе ему грозит голодная смерть. Ткач шелка не только не рядится в шелк, но часто не имеет средств на покупку даже ситца для себя и своих детей. Будучи сравнительно свободен в выборе ремесла, ремесленник лишен всякой свободы в деле распределения продукта. *Продукт его труда принадлежит не ему, а рынку, т. е. организатору обмена—купцу.*

В виду того, что в мелкобуржуазном или меновом обществе производство разделено между целым рядом мелких хозяйств, не связанных единою волею руководителя-патриарха, в виду того, что распределение продуктов носит неорганизованный характер, в виду этого возрастает экономическая зависимость каждого отдельного хозяйства от всех других хозяйств.

Вообще же в меновом хозяйстве, т. е. в хозяйстве, где все производится для продажи, производство и потребление не регулируются больше. Организатор патриархального общества должен был, ради процветания рода, поставить не только правильную организацию производства, но и распределения. Организатор производства—он же организатор распределения и обмена. Он имеет право обменивать только излишки продукта, не нужные роду. Брать для обмена продукт рода, необходимый ему для непосредственного потребления, организатор рода не может. Недостаток продуктов потребления вызовет ослабление, гибель рода. А за благосостояние рода ответственен организатор рода.

Совсем иначе обстоит дело в мелкобуржуазном обществе. С уничтожением единой организующей воли, возникновением частной собственности, все общество делится на две части—работников и потребителей. Работник сам потребителя не видит и ни в какие взаимоотношения с ним не входит. Посредником между ними становится руководитель обменом—купец. Купцу нет никакого дела до производителя и его благополучия. Ему нужна прибыль. Прибыль дает товар. Товар этот он получает и распределяет. До производителя, как и до потребителя, с их интересами, горестями и радостями, ему нет никакого дела.

В виду отсутствия связи между производителем товара—рабочим—и между потребителем, получается такое положение, что рабочему совершенно неизвестно, нужен или не нужен в данный момент его товар, найдет он или не найдет на рынке покупателя на свой продукт труда. Раз производство и распределение не регулируются никем, может получиться такое положение, что сапожники, ткачи, принося на рынок свой товар, не находят покупателей или покупателей не достаточно. Допустим, на рынок принесено сто пар сапог, сто костюмов, а покупателей на рынке всего пятьдесят. Пятьдесят пар сапог или пятьдесят костюмов, следовательно, остаются непроданными.

Выходит, что часть сапожников, часть портных производили никому не нужную работу. Их труд оказался бесполезным в данную минуту. Но сапожник или портной, которым не удалось продать сегодня свой товар, не могут успокоиться сознанием, что они произвели больше сапог или костюмов, чем нужно, и поэтому они должны их отнести обратно домой. Дома ждут их голодная жена и дети. Не продав своего товара, рабочий не может купить хлеба. Ему, следовательно, необходимо продать свой товар во что бы то ни стало. Но так как товар во что бы то ни стало надо продать всем сапожникам и всем портным, то каждый из них начинает предлагать свой товар даже за более низкую цену, чем товар стоит самому производителю—рабочему. На рынке начинается борьба продавцов: каждый сбавляет цену своего товара, лишь бы продать его. Излишком товара на рынке пользуется покупатель. Видя, что товаров на рынке много, покупатель старается купить возможно дешевле. Начинается борьба продавцов друг с другом и покупателя с продавцом. Цена товара начинает отклоняться от действительной стоимости товаров, начинается *конкуренция* на рынках.

В возникшей конкуренции страдает, главным образом, рабочий. Продав свой товар по цене, ниже той, которую он ему самому стоит, он тем самым разоряет свое хозяйство.

Правда, может получиться и такое положение, что на рынке окажется больше покупателей, чем продавцов, тогда не на всех хватит товару. Тогда товар подымается в цене. Всякий покупатель, которому необходим товар, согласится заплатить дороже, лишь бы купить то, что ему нужно. Но рабочий, вынесший на рынок свой товар, не знает заранее, сколько будет на рынке товару, т.-е. каково будет предложение, и сколько будет покупателей, т.-е. каков будет спрос. Он должен продать свой товар тогда, когда он готов, ибо ему необходим хлеб. А запасов у него никаких нет. Он не может ждать со своим товаром, пока настанет счастливый день, когда на рынке будет больше покупателей, чем товару. Он вы-

нужден продавать, продавать всегда. И если обстоятельства для него неблагоприятны, он разоряется и превращается в *пролетария, т.-е. рабочего, лишённого орудий производства.*

На сцену выплывает величаяя фигура купца.

Когда на рынке товару слишком много и цена его падает, купец скупает товар. У него нет необходимости перепродать купленный им товар немедленно. У него хлеба для семьи вдоволь. Он может дать товару полежать. И лежит у него товар и ждет своей очереди быть проданным до тех пор, пока на рынке оказывается больше покупателей, чем товару. Тогда купец извлекает свой товар из хранилищ и пускает его на рынок. Этим он регулирует цены, соразмеряя количество товара, сообразно количеству покупателей. Он регулирует предложение и спрос, ослабляя тем самым конкуренцию.

Но своим вмешательством он окончательно обезличивает производителя—рабочего. Рабочий теперь не выходит из своей мастерской. Он, как машина, только производит и производит. Дальнейшая судьба его продукта труда ему не известна. Он не знает, кто носит его сапоги,—царь или раб; он не знает, кого питает его хлеб,—борца за свободу или тюремщика. Неизвестно ему также, где продается его товар,—в его селе, в городе или где-нибудь в тридевятом царстве, в тридесятном государстве. Да это его и не интересует. Его интересует одно—продать свой товар.

И тут он чувствует, осязает и видит, что он весь во власти купца. Купец может купить или не купить у него продукт. Купец может, следовательно, диктовать производителю свои условия.

Но купец тоже не абсолютно свободен. На рынке не один, а несколько, много купцов. И все эти купцы заинтересованы в сбыте своего товара. Каждый купец привозит на рынок свой товар. Но и теперь товару, в виду отсутствия организованного производства и распределения, на рынке может оказаться больше, чем нужно на сегодняшний день. Тогда на сцену снова выступает конкуренция, но уже не между отдельными рабочими-продавцами, а между купцами. Для ослабления конкуренции, купцы время от времени *вступают в союз.* Они улаживаются совместно покупать и совместно продавать товар, они организуют так-называемый *трест.* Этим самым они избавляют себя от конкуренции. Благодаря союзу же, они могут диктовать цены рабочему-производителю, и покупателю.

У организатора обмена—купца—есть и еще одно преимущество. Он время от времени получает *единоличное право на производство и продажу продукта.* Это единоличное право, называемое *монополией,* дает возможность купцу-монополисту диктовать свои

условия и производителю, и потребителю. Таким образом монополист, благодаря полнейшему отсутствию конкуренции, эксплуатирует все общество.

Внутренние отношения мелкобуржуазного общества.

Типичною семьею мелкобуржуазного общества является семья ремесленника. Семья ремесленника фактически основана на чисто производственных отношениях. Отец семейства—повелитель и организатор производства. Рабочую силу представляют сыновья. Жена и дочери ремесленника все еще занимаются натуральным хозяйством, но теперь уже не в пределах всей общины, а только в пределах своей собственной семьи. Женщины—члены семьи ремесленника—готовят пищу, стирают, шьют, ткнут, обрабатывают огород, словом, занимаются сложным и разнообразным трудом в пределах своего хозяйства. Но в виду того, что женщина не занимается трудом производительным, т. е. трудом, дающим прибыль, в виду того, что женщина ведет хозяйство за счет заработка мужчины, у мелкобуржуазного общества вырабатывается представление о незначительности, о неважности этого труда. Женщина своим трудом не приносит в дом прибыли, прибавочной стоимости, и поэтому и она и ее труд рассматривается, как нечто второстепенное, неважное. Мелкобуржуазное общество начинает поэтому смотреть на женщину, как на паразитку. Хотя ведет она жизнь далеко не паразитическую, а работает дни и ночи, будучи занята и хозяйством и исполнением своего гражданского долга—деторождением и воспитанием детей.

Ремесленнику в его производительном труде, помимо сыновей, приходят на помощь ученики и подмастерья. Но их не много, 3—5 человек, не больше. Объясняется это тем, что ремесленное производство по характеру своему не требует соединения большого числа работников в одном месте.

Кровная семья ремесленника и ученики с подмастерьями составляют самостоятельно свободно-творящую семью. Главою и хозяином является отец семейства. Он покупает сырье, он организует производство, он продает товар. Семья в общем свободна и независима.

Совсем иначе обстоит дело с крестьянскою семьею. Крестьянская семья и в мелкобуржуазном обществе все еще продолжает входить составною частью в феодальное общество.

Но с возникновением менового хозяйства меняется роль феодала. Феодал уже больше не является единственным защитником членов своей общины. С развитием торговли, возникают новые

организации, которые берут на себя охрану общественной безопасности. Такою новою организацией являются города. С ослаблением организаторской роли феодала в области производства, ослабевает и его военная мощь. Потеряв значение экономическое, он перестает быть и политической величиной. Феодал становится ненужным, паразитическим членом общества.

Феодала, лишенного экономической и политической власти, обуревают жажда наживы, жажда накопления денег. И, чтобы накопить побольше денег, он начинает высасывать все соки из своих членов общества. Крестьянина он изводит барщиной. Вместо 1—2 дней в неделю работы на феодала-помещика, крестьянин теперь занят круглый год на своего господина. Он для него пахёт, сеет и жнет. Он и зимою и летом занят по хозяйству помещика. А на своем хозяйстве крестьянину удастся теперь работать только урывками, по окончании всей работы для господина-феодала. Естественно, что, вследствие такого положения вещей, феодал превращается в неограниченного властелина над крестьянином. Крестьянин же становится его рабом, лишенным земли, которую всю целиком забирает себе помещик-феодал. Крестьянин-пролетарий бежит от феодала. Помещик-феодал прикрепляет его насильно. Таким образом происходит закрепощение крестьян, крепостная зависимость крестьянина от помещика.

Забыв братский союз членов рода. Нет больше и в помине братства и равенства. Помещик-феодал—единоличный господин, все крестьяне, бывшие его общинники,—его рабы.

В своей жажде наживы, феодал устремляет взор и на ремесленника, плательщика оброка. Феодал удваивает, утраивает оброк, взимая с ремесленника все большее и большее количество денег. Но дальше этого феодал идти не может. Поработить ремесленника, закрепить его феодал не может. Ремесленник находится, в большей своей части, вдали от феодала—в городе. Ремесленник, *благодаря своему союзу*, защищен от покушения на него феодала, гораздо более, чем неорганизованный крестьянин.

Междугрупповые отношения мелкобуржуазного общества.

Города, возникшие из огороженных торговых площадей и торговых деревень, стали экономически и политически почти независимы от феодала. Порою город становился даже в оппозицию к деревне, вступая во враждебные отношения к феодалу. Объясняется это следующими обстоятельствами.

По мере возрастания материальной силы города, крепнет и его сопротивление феодалу, на земле которого город построен. Чтобы

отразить удары феодала, городу необходима была военная сила, необходима была прочная организация. Организующей силой города явилось в первый его период зажиточное купечество. Вокруг этого купечества группировались остальные граждане, которые все вместе составляли союз религиозный, военный и политический.

С развитием ремесла на сцену выступает новая экономическая и политическая сила—союз ремесленников или цеховой союз. Построенный на демократических началах, основанный на равенстве, он преследует цели самопомощи, самозащиты ремесла от конкуренции. Целым рядом уставов и постановлений регулирует он производство. Но у него и еще одна цель—он ведет борьбу против торговой аристократии города, против купцов, которые единолично хотят пользоваться своею властью над городом и не имеют ни малейшей охоты делить ее со всею массою ремесленников.

Союзы ремесленников или цехи победили. Но, выйдя из борьбы победителями, цехи утратили большую часть своего демократизма. Чисто семейные отношения между ремесленником—главою семьи—и его учениками и подмастерьями меняются теперь, превращаясь в отношения работодателей и рабочих. Ученик или подмастерье более уже не член семьи ремесленника. В погоне за прибылью, гонимый конкуренцией, ремесленник стремится выжать как можно больше прибавочного труда из своего ученика или подмастерья. *Эксплоатация, жажда наживы изгнали из семьи ремесленника братство и равенство.*

С расширением обмена, с вынесением его за пределы не только одной общины, одного города, но и за пределы страны, стало мало одной военной силы феодала для защиты купца от нападения на него грабителей. Разделение страны на мелкие земельные участки со своею специальной политической властью, в лице феодала, со своим специальным законодательством, несказанно затрудняли меновые отношения. То, что считалось разрешенным и дозволенным одним феодалом, то строго каралось другим феодалом. У купца были тысячи препятствий по пути, делавших иногда совершенно невозможными меновые отношения.

Потребовалась какая-то центральная политическая и военная сила, которая могла бы обуздать всех мелких феодалов и взять под свое единоличное покровительство организаторов обмена—купцов, не только в своей стране, но и в других странах.

Казалось бы, что эту задачу должна была выполнить католическая церковь—наимогущественнейший из феодалов. Но и католическую церковь обуяла жажда наживы. Из организации культурно-просветительной, из роли благотворительницы, она превратилась

в эксплуататора. Крестьяне у церкви находятся в той же крепостной зависимости, как у светского феодала. Церковь также теснит поборами ремесленника. Церковь, подобно феодалу, грабит купцов, взимая с них за право торговли на церковной земле, за право проезда через владения церкви невероятные поборы.

Культурная мощь и влияние церкви были сильны до тех пор, пока был узок кругозор людей, пока власть природы была сильна над человеком, пока все непонятное объяснялось душою вещей, обожествлением вещей. С освобождением от власти природы, с расширением кругозора людей, благодаря путешествиям сухопутным и морским, культурная деятельность церкви оказывается недостаточной. Начинаются искания в области науки и религии. Возникают несогласия с учением церкви, с ее толкованием ряда явлений. Эти несогласия, называемые ересью, возникающие благодаря исканиям пытливого ума, подавляются с нечеловеческой жестокостью. Про жестокости инквизиции католической церкви написана не одна книга. Кровь стынет в жилах при одном только воспоминании о тех жестокостях, какие применяла католическая церковь для подавления исканий пробуждающегося человеческого ума. Для того, чтобы удержать народ в своей власти, церковь изобрела колдунов и ведьм. Она насадила кучи суеверий. Огнем и мечом карала она непокорных. Террор в самых широких размерах применяется католической церковью, чтобы удержать власть. Нет жестокости и преступления, которое бы не вершила церковь именем божием, лишь бы удержать власть над народом. И православная церковь в деле борьбы с искоманием в области религии не уступала католической церкви. Гонения на сектантов вписали не одну печальную страницу в историю православной церкви.

Властолюбие погубило церковь.

На место обанкротившейся, жадной, жестокой и беспощадной церкви, пришла новая власть, власть абсолютного монарха, царя-самодержца, защитника купцов.

Не именем божием был призван царь. Не помазанником божием явился он. Он явился, как продукт определенной экономической эпохи. Народившемуся классу купцов нужен был свой защитник, защитник крупных материальных богатств, и этим защитником явился самодержавный монарх—властелин купцов, сам главный купец.

ГЛАВА VII.

Эпоха торгового капитала.

Развитие знания и техники повели за собою общее возрастание производства. Возрастание производства с своей стороны вызвало усиленный обмен, быстрое развитие торговли. Вызванный к жизни экономической необходимостью, класс купцов становится столь же необходимой незаменимой частью буржуазного общества, как в свое время патриархи—руководители производством и распределением в патриархальном обществе.

С тех пор, как производитель перестал работать исключительно для местного рынка, с тех пор, как рабочий, производящий товар, и покупатель, потребляющий его, потеряли связь между собою, с тех пор, как между ними стало третье лицо—купец, с тех пор производитель ремесленник превратился в такого же раба, как и крестьянин.

Производитель—мелкий ремесленник—вынужден продавать свой товар немедленно. Он не может ждать, пока на рынке будет столько же покупателей, сколько туда привезено товаров. Ему необходимо продать свой товар, чтобы на вырученные деньги купить сырье: кожу, сукно, чтобы из них приготовить обувь, снова шить костюмы. Ему необходимо немедленно продать свой товар, чтобы на вырученные деньги купить хлеба для своей семьи. Купцу же незачем торопиться ни с покупкой, ни с продажей. Когда цены ему не подходят, когда они слишком высоки или слишком низки, он не покупает и не продает. Купец пользуется безвыходным положением производителя. Зная, что мелкому ремесленнику продать товар необходимо, он ему диктует свои условия, назначая свою цену. Но окончательно разорить производителя купцу не выгодно. Он сам заинтересован в его сохранении ради эксплуатации, и поэтому купец, покупая у него товар, оставляет ему прибыль, но столь малую, что рабочий только-только с голоду не помирает. Но зато себе купец оставляет львиную долю барыша.

Ремесленник, нуждаясь в деньгах для покупки сырья или хлеба, часто вынужден забирать вперед в счет будущей работы деньги у купца. Долг свой ремесленник выплачивает продуктами своего труда—товарами или отработками. Купец теперь превращается в кулака-ростовщика. Он не только спущик готового товара; он становится фактическим хозяином производства. Задолжавшийся ремесленник, закабаленный у своего кредитора, не производит более по своей воле такой товар, какой бы ему хотелось или какой он считает нужным производить. В его производственную деятельность врывается купец, который снабжает ремесленника деньгами и сырьем. Он диктует производителю свои условия производства, видоизменяет все производство согласно своим потребностям и расчетам, *и ремесленник из свободного производителя превращается в раба, зависимого от купца.*

Купец, становясь фактически организатором производства, берет на себя доставку сырья, снабжает ремесленника нужным ему инструментом и деньгами. Производитель же из самостоятельного ремесленника превращается в наемного рабочего, который получает за свой труд заранее условленную плату.

Свободный выбор производства заменяется однообразным и однородным производством, диктуемым условиями рынка. Хотя все производство еще разрознено, так как каждый ремесленник продолжает работать у себя на дому, но все производители уже объединены одною общею зависимостью от заказчика-купца, который доставляет ремесленникам и сырье и орудия производства.

Эта форма производства и есть система домашнего капиталистического производства.

Внутренние отношения членов общества в эпоху торгового капитала.

Отдельные хозяйства ремесленников остаются в эпоху домашнего капиталистического производства неприкосновенными. Но гнет торговца, давящий на плечи производителя, отражается и на всей его семье. С уничтожением свободы ремесленника-производителя, с ростом его материальной зависимости от купца растет и угнетение семьи ремесленника. Ремесленник, все более нищающий, стремится всеми силами поддерживать свое разрушающееся хозяйство, свою самостоятельность. В зависимости от эксплуатации купца, он прибегает к эксплуатации членов своей семьи. Получая от купца ничтожную плату за свой труд, ремесленник не в состоянии более прокормить сам, своим единоличным трудом, свою семью. На помощь себе он призывает жену и детей, не только взрослых, но и малолетних. Днем и ночью, от ранней зари до глубокой ночи, тру-

дится теперь вся семья ремесленника, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить свою нужду. Но этот непосильный каторжный труд взрослых и крошек-детей ни к чему не приводит. Новый господин— купец—беспрерывно понижает оплату труда. И теперь, когда к производительному труду привлечены все члены семьи ремесленника, их общий заработок все же не превышает суммы, необходимой на покрытие самых насущных потребностей семьи. Ремесленник бьется изо всех сил, он беспощаден, он неумолим по отношению к своим детям. Но вместо благополучия семьи ремесленника происходит, вследствие усиленной эксплуатации, калечение и вырождение этой семьи.

Торговый капитал производит коренной переворот во взаимоотношениях членов патриархальной семьи ремесленника. Пока единственным кормильцем семьи является только отец, он господин в семье, он вершитель судеб членов семьи. Пока женщины в семье ремесленника занимаются исключительно хозяйством, трудом непроизводительным, их роль в семье подчиненная, второстепенная. Но уже торговый капитал, в своем стремлении к выжиманию соков из рабочих, не различает ни пола, ни возраста. Прибыль, приносимая руками женщины, ему столь же мила, как и прибыль, даваемая трудом мужчины. Он поэтому вовлекает в производство и женщину. Выходя из рамок чисто домашнего хозяйства, занимаемая, подобно мужчине, производительным трудом, женщина начинает приобретать экономическое значение в семье. Теперь женщина в состоянии сама, своим трудом прокормить себя. Она более не существо зависимое, не подневольное. Став независимой в смысле экономическом, она тем самым приобретает и независимость в смысле правовом. Мужчина—патриарх семьи—более не абсолютный господин. Женщина может уйти от него, может покинуть его и начать самостоятельную жизнь.

Капитал, закабалив женщину, как производственную силу, как работницу, дал ей возможность освободиться от семейного гнета, от семейного рабства. Но вкоренившийся веками в сердце женщины дух рабства продолжает ее долго еще держать в слепом подчинении у господина—мужа и главы семьи.

Эксплуатация торгового капитала вносит изменения не только в кровную, но и в производственную семью ремесленника. Семья ремесленника состояла обычно не только из жены и детей ремесленника, но и из пришлых учеников и подмастерьев. Хотя ремесленник и пользуется трудом подмастерья и учеников, хотя он их эксплуатирует, но он, принимая их в лоно своей семьи, сажал их за общий с собою стол, относился к ним как равным. Так обстояло дело тогда, когда ремесленник был сам организатором произ-

водства, сам закупал сырье, сам сбывал произведенный товар, — словом, когда он был экономически независим. Совсем иначе обстоит дело с утерейю ремесленником его экономической независимости. *Ремесленника эксплуатирует торговый капитал. Ремесленник эксплуатирует своих сотрудников. Ремесленнику необходимо, в целях самосохранения, дать своим рабочим возможно меньше и получить от них возможно больше.* Он начинает их эксплуатировать так же жестоко, как его эксплуатирует капиталист. Много работы и мало еды дает теперь ремесленник своим сотрудникам. Он их снимает с своего стола, он их исключает из среды своей семьи. *И подмастерья и ученики для него теперь живые орудия производства.* Нет и в помине более семейно-патриархальных взаимоотношений между эксплуататором хозяином и его наемными работниками.

Взаимоотношения между отдельными хозяйствами.

Торговый капитал, разрушивший патриархальную семью, естественно должен был разрушить и цеховые организации ремесленников. Цеховые организации помимо своих политических и религиозных задач имели одну основную задачу—регламентировать производство, руководить им, направлять его. Цехи устанавливали формы и характер производства, они устанавливали размеры труда и оплаты труда. Они устанавливали качество товара и количество допустимых в одном производстве подмастерьев и учеников. Делалось все это для того, чтобы один ремесленник не подавлял другого, для того, чтобы более сильный ремесленник не проглотил более слабого, для того, чтобы по возможности регулировать производство и не создавать конкуренции на рынке.

Но эта регламентация была возможна только до тех пор, пока производитель и потребитель видели, знали друг друга, пока товар продавался в том же селе, или в том же городе, где он производился.

Совсем иная получилась картина с тех пор, как между производителем и потребителем стал торговый капитал. Купцу нет никакого дела до регламентов и постановлений ремесленных цехов. Им руководят не писанные законы, а жажда наживы. Пользуясь тем, что ремесленнику без денег купца не обойтись, что ремесленник материально зависим от него, купец сводит к нулю все постановления цехов, диктуя свои условия забабаленному производителю. Не цех, а купец теперь регламентирует производство, не цех, а купец устанавливает количество и качество товара.

Купцу, в его борьбе против цеховых организаций, помогают

сами члены цеховых союзов. Экономически наиболее сильные ремесленники—члены цехов—не только не поддерживают борьбу цеха с разрушительной силой торгового капитала, но, наоборот, помогают капиталисту, подрывая цеховой союз изнутри. Экономически устойчивый ремесленник не только ремесленник, он же и скупщик товара. Он сам капиталист. И ему законы цеха мешают. Для него невыгодны контроль над производством и ограничение производства. Он прекрасно знает, что чем у него будет больше рабочих, которых он сможет свободно эксплуатировать, тем больше получит он барыша. Стремление к наживе обурекает цехового мастера. И он ломает все преграды. Он увеличивает количество подмастерьев и учеников, он удлинит рабочий день. Более сильные мастера поглощают более слабых. Борьба ведется не на живот, а на смерть.

Однакоже цеховые мастера, воинственно настроенные по отношению друг к другу, в деле усиления своего капиталистического могущества, выступают тесно сплоченною дружною семьею в деле угнетения своих подмастерьев и учеников. Здесь у них нет разногласий, здесь все с одинаковою энергиею стремятся получить от рабочего возможно больше и дать ему возможно меньше. Всевозможные затруднения и стеснения измышляются мастерами для того, чтобы не дать подмастерьям возможности стать мастерами, чтобы ограничить доступ подмастерьев в цехи. Но все эти ограничения не касаются сыновей мастеров. Сыновья мастеров весьма легко становятся сами мастерами. Здесь как бы сохраняются права наследственности, делая цех тесно-замкнутою организацией, доступною только для аристократов труда—мастеров и их сыновей.

Против такого угнетения со стороны мастеров поднялся весь мир подмастерьев. Для планомерной борьбы против эксплуатации, они объединились в союзы, сначала по производствам и по городам, а затем даже в международные производственные союзы, т.-е. все подмастерья сапожники в один союз, все портные—в свой союз и т. д. Пользуясь своею организованною силою, подмастерья нередко одерживали победу над эксплуататорами-мастерами и диктовали им свои условия. Подмастерьям нередко удавалось изменять цеховое законодательство в свою пользу. Средствами борьбы подмастерьев являлись стачки и бойкот, т.-е. прекращение работы или организованный отказ работать на определенного мастера или купать его товар.

Политическая форма организации периода торгового капитала монархическая. В интересах нарастающего капитала было создание такой единой могучей власти, которая, став на защиту капитала, создала бы все необходимые условия для его развития и

устранить бы все препятствия к этому развитию. Такою властью могла стать только абсолютно-монархическая власть. Единодержавный монарх—не помазанник божий. Результатом потребности капитала явилось самодержавие.

Свою деятельность абсолютная власть ознаменовала тем, что она во славу нарождающегося капитала уничтожила остатки феодализма, который из организатора производства и защитника своих сограждан превратился в самого заурядного грабителя на большой дороге. Вторую задачу монархической власти было подавление крестьянских восстаний. Крестьяне, измученные поборами феодалов и духовенства, произвели ряд восстаний, которые, благодаря прочным связям между отдельными областями государств, созданных развитием обмена, охватывали целые страны. Века XIII—XVI особенно известны своими крестьянскими бунтами. Но, усмирив бунты крестьян, абсолютная власть стала перед неотложною задачею освобождения крестьян от крепостной зависимости. Этот величайшей важности политический акт однако далеко не явился актом свободолюбия абсолютной монархии,—он был вызван чисто экономическою необходимостью. Крепостное право явилось помехою в деле развития капитализма. Капиталу нужны стали рабочие руки, которыми можно было распоряжаться свободно без всяких посторонних помех и вмешательств. Классу капиталистов оказалось мало распространять свою власть над производителем городским. Ему необходимо стало вмешаться и в производство сельскохозяйственное, являющееся главным поставщиком сырья. И таким образом освобождение крестьян, о котором так много писалось и говорилось, как о гуманнейшем акте со стороны самодержавного монарха, на самом деле было вызвано чисто экономическою необходимостью. Сам акт освобождения связан с целым рядом вопиющих злоупотреблений по отношению к крестьянам. В очень многих случаях крестьяне при освобождении лишались той земли, которую они всю свою жизнь обрабатывали, которую они полили потом и кровью своею. Крестьяне, лишённые земли, очень часто не знающие никакого ремесла, обрекались на голодную смерть в буквальном смысле этого слова. Лишённые орудий производства, они, превращённые в пролетариев, вынуждены были за какую угодно низкую цену продавать свои рабочие руки, лишь бы не умереть с голоду. В лучшем случае крестьянам при освобождении оставлялась часть земли, но за нее они платили помещикам такой выкуп, который во многое раз превышал стоимость земли. Такова была закулисная сторона освобождения крестьян. Освобождая крестьян от крепостной зависимости, самодержавное правительство меньше всего исходило из интересов самих крестьян. Интересы помещиков, и главное,

интересы нарастающего класса капиталистов, послужили мотивом для освобождения крестьян.

Уничтожив феодала светского, самодержавное правительство естественно должно было уничтожить и феодала духовного—церковь, которая посягала на определенное место в нарастающем капиталистическом мире. Но капиталистически-эксплуататорские стремления церкви встретили дружный отпор со стороны абсолютного монарха—избранника и ставленника класса капиталистов, а также со стороны крестьян, которых церковь эксплуатировала, грабила при помощи всевозможных поборов с гораздо большею жестокостью, чем помещик.

Вызванная к жизни в период экономического развития феодального общества, достигши высшего своего расцвета, как организатор производства, церковь должна была уступить свое место новой силе, организующей не только производство, но и обмен—торговому капиталу.

Умственное развитие в эпоху торгового капитала.

С ростом производительности и расширением обмена расширяется кругозор мелкобуржуазного общества. То, что казалось ясным и непонятным члену патриархального общества, не выходящему за пределы своей общины, то становится вполне понятным члену мелкобуржуазного общества. Переезжая с места на место, знакомясь с новыми людьми, с новыми правилами и обычаями, с новыми приемами борьбы за существование, член мелкобуржуазного общества все более и более освобождается от власти обычая, от власти мертвецов над живыми..

Пережившая себя церковь, с потерей своего экономического могущества потеряла также свое значение политическое и культурное. Место духовной школы занимает теперь школа светская. Основной задачей светской школы, призванной удовлетворить потребностям нарастающего капитала, является развитие технических знаний, находившихся в последнее время в загоде у отмирающей церкви. Изобретение книгопечатания и производства бумаги служат грандиозными факторами в деле развития знаний.

С развитием путей сообщения, расширением знаний и обмена, власть природы над людьми окончательно ослабевает, человек может свободно передвигаться и искать себе пропитание на необъятном пространстве всего земного шара.

Он уж более не раб природы. Он, путем знания, начинает становиться царем природы.

ГЛАВА VIII.

Промышленный капитализм.

Социальные условия возникновения мануфактуры.

С все более и более расширяющимся спросом на предметы промышленного производства, торговый капитализм приходит к выводу о необходимости расширить это производство и удешевить продукт. Для этого капиталист реорганизует всю систему производства. Вместо распыления производителя по отдельным мастерским, капиталист собирает их большими группами в одной мастерской. Это объединение рабочих в одном здании на много сокращает расходы по производству и таким образом удешевляет продукт. Удешевление это получается благодаря уменьшению расходов на содержание мастерских, на освещение, на отопление, на орудия производства, т.-е. инструменты, которыми могут пользоваться одновременно несколько рабочих, на доставку материалов. В одно место легче и дешевле доставить материалы, чем во много мест. При работе целой группы лиц в одной мастерской легче использовать остатки материалов, чем это делается в каждой отдельной мастерской.

Это объединение многих ремесленников в одной мастерской и дает начало возникновению мануфактурного производства.

Объединение группы рабочих в одной мастерской дает возможность перейти к планомерному труду уже не только в самом производительном обществе, но и в самом производстве. Это разделение труда в одном и том же производстве, вернее на производстве одного и того же предмета, дает то усиление производства и удешевление продукта, которое было необходимо капиталисту, производящему для массовой потребности, на необъятный рынок. Для того, чтобы себе представить наглядно разницу в скорости производства в отдельной мастерской, где работает один-два рабочих, и в мастерской, где работают десятки, сотни рабочих, возьмем хотя бы порт-

няжное ремесло. В небольшой мастерской хозяин-рабочий получает работу и сдает ее сам. Он является закройщиком, он шьет все платье целиком, он его примеряет, он его утюжит, чистит и т. п. В мастерской массового производства все эти работы исполняются отдельными лицами. А в шитье одного платья участвуют десять, двадцать и более рабочих. Закройщик кроит, сметальщик сметывает, швы делает определенное лицо, рукава вшивает специальный рабочий, петли выметывает другой, пуговицы пришивает третий, отделкой платья занимается специальное лицо, утюжкой снова другое лицо и т. д. и т. д. При таком разделении труда, где каждый рабочий делает только частичку работы, он на этой частичке специализируется и производит ее с механической быстротой. А чем быстрее работает каждый рабочий, тем более удешевляется продукт, ибо цена продукта определяется двумя величинами: первое:—стоимостью сырья, т. е. материала, плюс к нему расходы части изнашивающихся инструментов, частички мастерской, части отопления и освещения мастерской; второе—количество рабочих часов, потраченных на производство данного предмета. Первая часть расходов—сырье, содержание мастерской и изнашивание орудий производства—всегда одинакова при однородном товаре. Вторая часть—количество рабочих часов—может всегда колебаться. Один портной, например, делает платье в двадцать часов, другой— в тридцать. Одному рабочему, следовательно, надо заплатить за двадцать часов работы, другому — за тридцать часов. Но оплата рабочего есть вторая часть цены товара. Естественно, что цена платья первого рабочего, сделавшего его в 20 часов, будет дешевле, чем цена платья, сделанного вторым рабочим, который потратил на эту работу 30 часов. Капиталист, чтобы не быть конкурентом на рынке, чтобы быть в состоянии и дешевле продать, и побольше заработать, заинтересован в том, чтобы на производство товара тратилось минимальное количество часов. А этого можно достигнуть только путем такого разделения труда, когда каждый отдельный рабочий становится маленькой машиной или только придатком машины.

Купец теперь из организатора обмена превращается в организатора всего производства. Правда, он этой работы не производит самодично. Ему на помощь приходит целый ряд наемных лиц, которые выполняют за него большую часть дел: инженеры, бухгалтер, делопроизводители, директора, счетоводы производят за паразита-капиталиста всю работу, и здесь происходит определенное разделение труда. Но такое разделение труда в области организаторской мы уже видели и в обществе патриархальном, где в ходе развития производства и обмена в патриархальном обществе вместо

одного организатора на сцену появляется группа организаторов. То же самое видели мы и в феодальном обществе.

Но если нет ничего нового в смысле разделения организаторского труда в эпоху мануфактурного производства, если здесь этот род труда только расширился и усовершенствовался, то зато в эту эпоху совершенно меняется экономическое и правовое положение самого производителя, т.-е. рабочего.

Сущность капиталистического производства.

Основная особенность капиталистического хозяйства заключается в том: 1) что оно ведется наемным трудом; 2) что работник, лишенный орудий производства—инструментов и мастерской, продает единственное свое достояние, свою рабочую силу; 3) что рабочая сила является товаром.

Рабочий, освобожденный от крепостной зависимости, свободен продавать или не продавать свою рабочую силу. Но он свободен не только от рабской или крепостной зависимости, он свободен и от всяких орудий производства. Не имея ничего кроме своих рук и не имея достаточно мужества умереть с голоду, он вынужден продавать свою рабочую силу. На словах свободный, он на деле раб нарастающего капитала. Он вынужден идти в рабство к капиталисту и вынужден продавать себя за какую-угодно цену, только бы не умереть с голоду самому и не видеть пухнувших с голоду свою жену и детей.

Но так как рабочая сила является в капиталистическом обществе одним из товаров, то и эта сила продается по определенной цене. Цена рабочей силы определяется количеством продуктов первой необходимости, необходимых рабочему для поддержания своей жизни, и работоспособности, а также для прокормления семьи, для продолжения рода.

В коммунистическом и патриархальном обществе, где все работоспособные члены общества были производителями, каждый член общества удовлетворял свои насущные потребности из общественного продукта. Остатки продукта опять-таки шли в общественное пользование, вымениваясь на другие, нужные роду продукты.

Совсем иначе обстоит дело в капиталистическом обществе. Продукт, произведенный руками рабочих, не является продуктом всего общества, членами которого рабочие состоят. Продукт, произведенный многими рабочими, является тогда собственностью *одного лица*—капиталиста, собственника сырья и инструментов, т.-е. орудий производства.

Покупая рабочую силу, капиталист покупает ее на неограничен-

ное количество часов—на весь день. Рабочий, нанявшись к капиталисту, обязан работать столько, сколько угодно работодателю. Но, работая 12—14 и даже 16 часов, а порою и больше, рабочий получает плату не за все свое рабочее время, а только за определенное количество часов, а именно за столько часов, сколько необходимо затратить, отработать, чтобы оплатить стоимость насущных потребностей рабочего, т.-е. то количество хлеба, мяса, дров и т. п., сколько ему необходимо в один день. Обычно, при средней производительности труда, на уплату всех этих продуктов нужно потратить пять рабочих часов.

Но рабочий работает не пять часов в сутки, а 12, 14, 16 часов. Куда же девается заработок с остальных 7, 9, 11 часов труда рабочего? Платят ли за эти часы работы рабочему? Нет. Они идут в карман капиталиста и носят название прибавочная стоимость, т.-е. прибыль. Эта прибавочная стоимость и играет главную роль в капиталистическом производстве. На прибавочной стоимости строится все капиталистическое общество. Жажда увеличения прибыли и ведет за собою неслыханную эксплуатацию мужчин, женщин и детей.

Чем меньше часов работы тратится на удовлетворение необходимых потребностей рабочего и чем больше часов работает он, не получая платы за этот свой труд, тем больше прибыль капиталиста. Вот почему капиталист, подобно рабовладельцу, заинтересован в том, чтобы платить рабочему возможно меньше, т.-е. оплачивать возможно меньшее количество его рабочих часов, сокращая тем самым до минимума возможность рабочего удовлетворить свои насущные потребности, и получать от рабочего бесплатно возможно большее количество часов работы.

Современный капиталист, подобно рабовладельцу, спрашивает с рабочего много и дает ему мало. Он так же, как и рабовладелец, нисколько не заинтересован в том, что рабочий, вследствие недостаточного питания, быстро изнашивается. На смену выбывшего из строя рабочего придут десятки и сотни „свободных“ рабочих, голодные и холодные, которые с жадностью устремляются на место выброшенного собрата, из которого капиталист уже выжал все соки.

А чем отличается „свободный“ рабочий капиталистического общества от раба? Ничем. Его мнимая свобода дает ему право либо умереть с голоду, либо продавать единственное свое достояние—свою рабочую силу, на тех условиях, какие ему предлагает эксплуататор-капиталист. И тою или другою возможностью „свободный“ гражданин капиталистического общества, смотря по обстоятельствам, пользуется—он идет в кабалу к собственнику-капиталисту, когда капиталисту угодно купить его рабочую силу, или он вместе с

семье „свободно“ умирает с голоду, когда единственный товар рабочего—его рабочие руки—капиталисту не нужен.

Общественное распределение в эпоху мануфактуры.

Формы общественного распределения так же разнообразны, как разнообразны и экономические этапы, которые проделало человеческое общество с периода возникновения коммунистической семьи до возникновения капиталистического общества.

Ни коммунистическая семья, ни патриархальное общество не знают наемного труда, следовательно и эксплуатации. Все члены коммунистического общества—производители для всего общества. Весь продукт—общественная собственность, которая распределяется между членами общества по потребностям. Странствующий ремесленник феодального общества получает за свой труд полную плату, соответствующую продукту, вновь произведенному его трудом. И здесь нет эксплуатации. Подмастерье, живущий у мастера в качестве члена семьи, не только удовлетворяет всем своим потребностям за счет мастера, но еще получает некоторый излишек за свой труд. Этот излишек дает ему возможность, когда он становится мастером, обзавестись своими инструментами, своим хозяйством. И здесь эксплуатация со стороны хозяина ремесленника, поскольку она имеется, еще очень слаба.

Совсем иначе обстоит дело, когда на сцену появляется торговый капитал. Он нарушает всю прежнюю гармонию. На сцену выступает эксплуатация, основанная на оплате не всего труда рабочего, а только части его труда.

Для капиталистического общества основной, почти всеобщий способ распределения—*есть обмен или неорганизованное рыночное распределение продуктов*. Каждый член общества, как и каждый класс, получает в капиталистическом обществе свою долю продукта, только путем обмена. Непосредственное распределение, т.-е. оплата натурой—продуктами питания, одеждой, квартирой, как это практиковалось в коммунистической семье, в капиталистической семье, в капиталистическом обществе совершенно отсутствует.

Обмен производится только при помощи денег. Вот почему в капиталистическом обществе деньги являются необходимым двигателем не только капиталистического производства, но и всей жизни капиталистического общества. Деньги—это тот товар, на который можно обменивать любой товар. Кто имеет больше товару—денег, тот может в обмен получить и большее количество других товаров.

Рабочий в обмен на свой товар—рабочую силу—тоже получает

товар—деньги. Но он товару-денег за свой товар-рабочую силу получает только столько, сколько ему необходимо на удовлетворение самых насущных потребностей, без удовлетворения которых не будут возобновляться его рабочая энергия и его трудоспособность. О покупке предметов роскоши, даже об удовлетворении культурных потребностей, при существующей в капиталистическом обществе эксплуатации, естественно не может быть и речи.

Совсем иначе положение господствующего класса—класса капиталистов. Он—собственник орудий производства, он—фактический собственник и рабочей силы, ибо рабочий класс—его раб. Он—господин вселенной, ему, и только ему одному, доступны и все блага мира.

Общественная психология мануфактурного периода.

Отличительной чертой мануфактурного периода является освобождение личности из-под власти авторитетов. Торговый капитал для беспрепятственного и безграничного своего развития нуждается во вполне „свободном“ рабочем. И все остатки крепостного права окончательно уничтожаются. Падает и авторитет церкви, а вместе с тем и власть ее над человеческой личностью. С превращением большей части ремесленников в пролетариев и меньшей ее части в капиталистов, падает и власть ремесленных союзов или цехов. Изменения экономического положения общества в мануфактурный период вносят сильное изменение и в политическую жизнь страны.

Все эти условия содействуют развитию индивидуальной личности. Государству, благодаря новым экономическим взаимоотношениям, нужны новые люди—образованные чиновники, инженеры, специалисты всех родов, офицеры и т. п. На сцену появляется буржуазная интеллигенция, которая все свои знания и все свои помыслы предоставляет исключительно господствующему классу—классу капиталистов. Буржуазная интеллигенция не бескорыстна. За свои услуги она получает прекрасную оплату, дающую ей возможность вести более чем безбедное существование.

Отдаваясь исключительно умственному труду, буржуазная интеллигенция имеет все возможности развить технику и производительность труда в своей области. Мануфактурный период знаменует собой расцвет в области науки. Но рабочая масса, за единичными исключениями, вся темна, забита и неграмотна.

Насколько блестяще в мануфактурный период положение нарастающего класса—капиталистов и прислужников господствующего класса—интеллигенции, настолько печально положение производителя всех богатств—рабочего. Низкая заработная плата произво-

дителя не давала ему возможности удовлетворять в достаточной мере своим насущным потребностям и не оставляла возможности развития. Не многим лучше положение и мелких производителей, которые еще делают последнюю попытку предохранить себя и свою семью от пролетаризации.

Но неумолимый закон конкуренции не только не щадит мелкого ремесленника, он беспощаден и по отношению к мелкому собственнику-капиталисту. Нарастающая гигантская сила—капитал, сметая все препоны на своем пути, проходя через сотни тысяч трупов мелких собственников, неуклонно идет вперед по пути к концентрации капитала, к объединению тысяч мелких капиталов в руках всего нескольких сотен крупных капиталистов.

Победа сильных над слабыми совершается благодаря неумолимой конкуренции.

Основую мануфактурного периода поэтому является конкуренция в различных формах, жажда накопления и непомерная эксплуатация, централизация капиталов, увеличение количества рабочих и удлинение рабочего дня, а также возникновение эксплуатации женщин и детей.

ГЛАВА IX.

Промышленный капитализм эпохи машинного производства.

Чем больше развивались меновые отношения в капиталистическом обществе, тем больше возрастала у капиталистов жажда накопления, жажда получения прибыли. Прибыль дает только неоплаченный прибавочный труд рабочего. Но заставить рабочего работать неограниченное время невозможно, ибо сила человека имеет свои границы. Капиталист стал перед необходимостью замены человеческого труда трудом машины, которая приводится в движение силами природы: водою, ветром, паром и т. д. Ему это было тем легче сделать, что уже мануфактурный период подготовил максимальное разделение труда, доведши действия каждого отдельного рабочего до простого механического выполнения той или иной части работы.

Машины начали появляться гораздо раньше капиталистического производства. Так, уже в период рабства были известны ветряная и водяная мельницы, водяные насосы и др. Но в производстве значение машин было настолько ничтожно, что о них не приходится и говорить.

Однако, причиною ничтожной роли машины в производстве являлось не слабое развитие техники, не отсутствие полезных машин, а причины чисто экономические. Против машин боролось умирающее ремесло, для которого машина являлась смертельным конкурентом. Против машины возбуждались рабочие, которых пугали тем, что машина лишит их заработка. Изобретатели машин подвергались избиениям и всевозможным гонениям, а машины разбивались.

Совсем иное отношение к машине купца-капиталиста. Им машина сулит прибыль, и машине отводится почетное место в производственном мире. Но капиталист подходит к машине не с точки зрения ее пользы или вреда, а опять-таки только с точки зрения барыша. Если машина удешевляет продукт, если она выгоднее, чем рабочие руки—капиталист ею пользуется. Если же

машина не дает экономии, не дает прибыли, ее капиталист никогда не введет, хотя бы труд, который человек выполняет, был бы каторжный, убийственный. Ему нет дела до рабочего, до его жизни и смерти. Для капиталиста важна прибыль и только прибыль. И он вводит машину только тогда, когда ее цена меньше цены той рабочей силы, которую машина заменяет. Естественно, что чем ниже заработная плата рабочего, тем меньше выгод заменить человеческий труд машиной. Этим обстоятельством и объясняется то, почему в России так слабо развито машинное производство. В России, как ни в одной стране, велико число граждан, лишенных орудий производства, т.-е. пролетариев. А это на руку капиталисту. Имея перепроизводство, излишек рабочих рук, капиталист может до минимума понижать их заработную плату и делать, таким образом, труд рабочих более выгодным для себя, чем труд машины. Обилием земледельческого пролетариата — деревенской бедноты — объясняется также слабое применение машин в земледельческом хозяйстве России.

Только тогда, когда само производство машин стало машинным, когда производство самой машины удешевилось до крайности, ее применение приняло широчайшие размеры.

Общественные отношения в период машинного капитализма.

Борьба против машин, как орудия, которое лишает рабочих работы, была совершенно напрасной и бессмысленной. Развитие машинного производства повело за собою не уменьшение, а усиление спроса на рабочие руки. Объясняется это следующими обстоятельствами. Введение машины вызвало: 1) расширение рынка, 2) удешевление товаров и отсюда естественно вытекающее 3) увеличение спроса на товары.

Характерным явлением капиталистического производства является, уже с первого момента его возникновения, борьба крупных производств с мелкими. Машина в этом отношении приходит на помощь более сильному, ведя мелкого ремесленника, мелкого предпринимателя к неминуемой гибели.

Между крупным предпринимателем, вооруженным машинами, и мелким ремесленником или мелким предпринимателем идет борьба из-за покупателя, из-за рынка. В этой борьбе победителем остается тот, чей товар дешевле. А так как товар крупного фабриканта, произведенный машинным путем, гораздо дешевле труда ручного, то из конкурентной борьбы победителем выходит крупный капиталист. Следствием поражения мелкого производителя является его разорение и превращение его в пролетария.

С развитием капитализма идет непрерывное уменьшение числа мелких предприятий, усиление капиталистического могущества крупных предприятий и все большая и большая пролетаризация мелких собственников, мелких ремесленников.

Чем дальше идет вперед развитие капиталистического общества, тем резче общество начинает делиться на определенные классы. По одну сторону стоит класс собственников—эксплоататоров, фабрикантов и помещиков, по другую сторону классы эксплуатируемые—рабочие и деревенская беднота. Между этими двумя классами, с резко выраженными противоречиями интересов, вклинивается буржуазная интеллигенция, которая всецело находится в услужении у капитала и которая, за определенные удобства жизни, запродала ему и свой ум, и свои знания, и даже свою совесть и душу.

Организатором производства в капиталистическую эпоху является капитал. Он устраивает производство так, как это выгодно с точки зрения интересов капитала. А интересы капитала требуют превращения рабочего в придаток машины и даже не всей машины, а только части его. И не только превращения рабочего в часть машины, капитал требует неограниченного его прикрепления к этой части машины, без права перехода рабочего на другую работу, к другой отрасли труда. Такое закрепощение рабочего капиталом вполне удается провести в особенности в первый период развития капитализма. Вполне понятно, что такое положение рабочего действует на его психику, на степень его развития в высшей степени отрицательно. Все рабочие, за редким исключением, выполняют одни и те же или весьма сходные функции при машинах, и вся их работа приобретает черты простого сотрудничества.

Это однообразие и сходство работы, имея свои отрицательные стороны, в то же время имеет и свои положительные стороны. А именно: сходное положение рабочих создает у них и сходные стремления, а это со своей стороны создает подходящие условия для объединения работников в жизненной борьбе.

Производственные отношения на земном шаре.

Общественное разделение труда, игравшее уже громадную роль патриархальном обществе, получает свое завершение в капиталистическом обществе. Взаимная связь отдельных предприятий и целых отраслей промышленности настолько усиливается, что все мировое производство приобретает характер чего-то единого и неразрывно-целого.

Конкуренция поглощает все слабое и нежизнеспособное. Отдельные крупные предприятия крепнут за счет сотен тысяч мелких

предприятий. Общественный характер производства доходит до того, что целые страны оказываются в теснейшей производственной связи между собой. Обмен настолько объединяет производство различных государств, что их самостоятельное экономическое существование становится немислимым. В этом отношении характерно положение наиболее крупных промышленных стран, каковы Германия и Англия. Промышленная Германия, не имеющая сырья абсолютно, не в состоянии существовать, как самостоятельная экономическая единица. Таково же положение Англии, которой большая часть потребляемого хлеба ввозится из других стран.

Проглотив мелкого собственника, мелкого предпринимателя, каждый у себя в стране, крупный капитал не завершил еще своего победного шествия. Перед ним встали еще две задачи, первая: одному, двум капиталистам стать первыми и единственными в своей стране, и вторая: занять первое место, место творца и повелителя на мировом рынке.

Что касается первой задачи, занятия господствующего положения у себя в стране, то ее с успехом выполнила каждая крупная капиталистическая группа на своей родине. Так, например, пара американских банкиров владеет теперь всеми капиталами Америки, 2—3 французских капиталиста поработили себе весь французский народ. Не большее количество миллиардеров владеют Англией и Германией.

Вторая задача — господство на мировом рынке — оказалась гораздо более трудно выполнимой, и из-за нее возгорелась мировая война. Пять лет уже льется непрерывною рекою кровь рабочих и крестьян. Миллионы ни в чем неповинных человеческих жизней погибли ради разрешения этой задачи. Десятки миллионов калек, вдов и сирот принесла с собою война; опустели поля, обнищали народы, разорены десятки тысяч сел и городов, и все еще не разрешена задача — кому занять первое место на мировом рынке. И снова идет бой, и снова льется кровь рабочих и крестьян, и снова гибнут миллионы жизней, а задача, разрешить которую важно только десятку-другому миллиардеров, все еще не разрешена.

Чем сильна эта кучка миллиардеров, спросит непосвященный, что она распорядается жизнью и смертью сотен миллионов людей?

Она сильна двумя вещами — она сильна тем, что ей принадлежат все богатства мира. Все фабрики, все заводы, все капиталы, все земли, — всё принадлежит ей. Она сильна своею стройною сплоченною организацией.

Богатство дает кучке фабрикантов и помещиков страшную власть над миллионами, сотнями миллионов бедняков-тружеников. Капиталист владеет фабриками, машинами, железными дорогами, руд-

никами, землей, кораблями и пароходами,—словом всем, всем. Не удивительно, что капиталистам при таких условиях легко повелевать миллионами голодных и обездоленных. Не захочет капиталист, не выгодно ему в данный момент заниматься производством и не даст он работы рабочему, у которого, кроме пары рук, да пустого желудка, а иной раз и целой кучи голодных ребят, ничего нет. Капиталист на фабрике царь и бог. В его руках жизнь сотен тысяч рабочих и их семей; захочет, он им даст работы, а не захочет и—стается им только умереть с голоду. Фабрика или завод принадлежит ему, капиталисту. Они—его частная собственность. И этою-то частной собственностью на средства производства он силен, в ней его сила.

Но тут возникает снова вопрос: как же может небольшая кучка капиталистов удержать эту частную собственность?

На помощь кучке миллиардеров приходит буржуазное государство. Мелкобуржуазное общество, пришедшее на смену феодальному обществу, выдвинуло вместе с новой экономической структурой и свою форму правления—неограниченную монархию. Неограниченный монарх—ставленник нарождающегося капиталистического общества—является самым усердным защитником прав и интересов этого общества.

Для защиты буржуазии от посягательства на ее богатства изголодавшихся рабочих и крестьян, буржуазное правительство создало специальное законодательство, строго карающее голодных и всегда обеляющее сытых и богатых. Оно создало грубую силу в лице шпионов, полицейских, жандармов, палачей, тюрем, виселиц, которыми оно покрыло весь земной шар. Буржуазное государство взяло себе в услужение церковь и школу, перед которыми оно поставило определенную задачу—воспитать неимущих в духе подчинения и покорности.

И шпионы и полицейские, так же как церковь и буржуазная школа, не за страх, а за совесть, выполняли возложенную на них „благородную“ задачу—удушения всякого стремления к свободе со стороны изголодавшихся рабочих и крестьян.

Помимо перечисленных слуг, у капитала есть еще немало преданных ему слуг, которые за деньги продали ему свое тело и душу. Эти слуги суть министры, директора банковые, директора заводов. За ними идет чиновная братия рангом пониже. Не малое место в этой компании охранителей занимают господа буржуазные ученые.

Но, помимо этой охранительной рати, капитализм силен своей сплоченностью. Хоть капиталисты и заставляют свои народы истекать кровью из-за рынков и господства на мировом рынке, круп-

нейшие капиталисты все же объединены в тесный мировой союз предпринимателей.

Лучшим показателем сплоченности мирового капитала служит современная империалистическая война. Капиталисты всех стран передрались между собой. Языком огня и меча заговорили они между собой. Но стоило только рабочему классу сделать первую попытку свергнуть с себя иго мирового капитала, и дружно, забыв все распри, выступила мировая буржуазия, сплоченно, как один человек против пролетариата. Забыты все вождедения, забыта вражда перед лицом единого врага, — стремящегося к свободе пролетариата.

Мировая организация рабочих.

В то время, как каждый работник в коммунистическом обществе должен был уметь делать все, а мануфактурный период требует специализации каждого отдельного производителя, различные рабочие выполняют различные, несходные между собой, работы. Капиталистическо-машинное производство не признает никакой специализации рабочего. Она превращает труд каждого из работников в простой труд, т.-е. труд, требующий наименьшего обучения и развития.

В мануфактурный период каждый рабочий должен был быть обучен и подготовлен к исполнению своей работы. Женщины и дети за редким исключением не в состоянии были выполнять той работы, которую требовал ручной труд при мануфактуре. Совсем иначе обстоит дело при машинном производстве. За исключением высококвалифицированных техников и механиков, вся рабочая масса превращается в простых чернорабочих, труд которых настолько несложен, что его с легкостью могут исполнить женщины и дети.

Эта несложность труда привлекает на рабочий рынок новые кадры рабочих и не только мужчин, но и женщин и детей. Прилив предложения рабочих рук вызывает конкуренцию между рабочими. Предложение рабочих рук превышает спрос на него. Каждому хочется получить работу. Каждый старается получить работу за какую-нибудь цену, лишь бы не умереть с голоду. Борьба из-за куска хлеба на руку капиталисту. Он пользуется невыгодным положением рабочих и стремится, насколько только возможно, сбавить заработную плату.

По закону стоимости, заработная плата должна соответствовать цене обычных средств потребления рабочей семьи. Когда единственным рабочим в семье был мужчина, муж, его заработок и равнялся сумме, необходимой на покрытие насущных потребностей

рабочей семьи. Теперь, когда на фабрику, помимо отца, пошла и мать, а за нею и дети, их общий заработок в среднем не превышает суммы, необходимой на покрытие тех же насущных потребностей рабочей семьи. Таким образом положение рабочего, с введением машины и вовлечения в промышленность женщин и детей, не улучшилось, а ухудшилось.

Возрастание числа рабочих рук ставит каждого из рабочих в большую, чем прежде, зависимость от предпринимателя. Рабочего становится легче заменить, в нем меньше нуждаются, чем прежде. Число безработных увеличивается. Безработица, ставя в выгодное положение капиталиста, далеко не выгодна для рабочего класса. Она несет с собою голод, холод, лишения, проституцию и прегупления.

Перед рабочим классом встает жизненный вопрос—ослабить на рынке конкуренцию и безработицу со всеми печальными ее последствиями. Единственный способ успешной борьбы—это борьба, организованная при помощи тесно сплоченных союзов.

Капитализм, приучая рабочего к единению и рабочей дисциплине, необходимым при машинном производстве, дает в то же время рабочим толчок к организации, единой и планомерной организации в деле борьбы против угнетения мирового капитализма.

То, что рабочим приходится скопляться на небольшом пространстве, приносит им не мало вреда. Но это же условие содействует и развитию человеческой свободы. Всякая крупная фабрика, всякая мастерская сама по себе уже является такою политической организацией, против которой бессильны все законы и которую не может распустить ни один судья.

Уже в 1780 году делают французские рабочие попытку бороться против гнета капитала.

Первое общество рабочих и ремесленников, которое объединилось в один союз для борьбы против угнетения капитала, было „Лондонское общество сообщений“, организовавшееся весной 1792 года. Общество это быстро распространило свои отделения во всех промышленных центрах Англии.

„Лондонское общество“ было первою политической организацией пролетариата. Уже осенью 1792 года обратилось оно с званием в французским, а затем и американским рабочим.

Английское правительство забило тревогу по поводу объединения рабочих. Министр Питт заявил по поводу возникшей борьбы рабочих:

„Ужасный заговор потрясает страну с целью уничтожения конституции и замены ее теорией прав человека. Правительство, закон, собственность, религия, словом все, находится в опасности быть сметенным.

„Общество это опасно тем, что оно состоит из низших слоев народа и по этой причине имеет возможность безгранично расширяться“.

И в самом деле рабочее движение принимает необычайно широкие размеры. Рабочие начинают объединяться в профессиональные союзы, которые в первую очередь ставят себе задачу ослабления конкуренции между рабочими на рынке труда. Первые профессиональные союзы возникают в 1794 году, опять-таки в Англии, откуда они вскоре распространяются по всему рабочему миру.

Профессиональные союзы сначала объединяют рабочих одного предприятия, затем одного города, одной страны и, наконец, они выливаются в мировые производственные союзы или мировые союзы рабочих по производствам.

В начале существования профессиональные союзы объединяются исключительно для экономической борьбы. Но вскоре рабочие убеждаются, что нельзя достигнуть улучшения положения рабочего класса и освобождения трудящихся до тех пор, пока рабочий класс бесправен, пока вся власть находится в руках капиталистов. И рабочие от чисто-экономической борьбы переходят к борьбе политической.

Но рабочий класс, борясь за свое политическое освобождение, за переход власти к трудящимся, не преследует целей угнетения.

Пролетариату необходима политическая власть, чтобы вырвать у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, чтобы увеличить массу производительных сил.

Главнейшие изменения общественной психологии в период машинного капитализма.

Развитая форма капиталистического производства делит общество на два мира или на два класса, с резко противоположными экономическими и политическими интересами.

Класс капиталистов—есть класс резко выраженных эксплуататоров. Живя чужим трудом, они имеют все возможности для всестороннего развития. Но как класс паразитический, который даже получение доходов со своих капиталов поручает наемным слугам, крупная буржуазия, подобно паразитам рабовладельцам и крепостникам, никаких вкладов ни в область науки, ни в область искусства не делает. Буржуазные сынки, как и их папаши, только годны для того, чтобы чужими руками грабить рабочий класс. Одно, что они самостоятельно и в совершенстве проделывают—прокучивают кровью и потом рабочих добытые богатства.

Рабочий класс, обогащенный сознанием, объединенный в тесный

мировой союз пролетариев, ведет неустанную борьбу за освобождение трудящихся. В борьбе крепнет его ум и воля. В борьбе закаляется его боевой революционный дух. Но тяжелы цепи, наложенные буржуазией на рабочий класс. Много усилий нужно, чтобы разорвать их. И на это тратит мировой рабочий всю свою силу, всю свою энергию.

Не дано пока рабочему классу быть двигателем техники и культуры. Закрыты для него школы и университеты. Незаконным гонениям подвергается он за свое стремление к свободе, к свету и знанию.

Нужно было совершить октябрьскую революцию 1917 года, чтобы перед рабочим классом и сознательным крестьянством открылись двери средних и высших учебных заведений.

Единственной носительницей культуры—буржуазной культуры—является в империалистический период буржуазная интеллигенция. Для нее развитие науки и техники является своего рода профессией. За каждый шаг вперед в области науки буржуазные ученые получают соответствующую плату. Буржуазия превратила врача, юриста, попа, поэта, ученого в своих платных наемных рабочих. И как верные слуги своего повелителя капитала, они только и разрабатывают ту часть науки, которая может помочь капиталисту еще больше, еще лучше закабалить рабочего.

Интересно отметить, что буржуазные ученые, за редкими исключениями, больше враги освобождающегося рабочего класса, чем сами капиталисты.

Натуральный фетишизм окончательно теряет всякую почву в период развития мирового капитализма. На смену натуральному фетишизму идет возрастание познания причинности явлений. Власть человека над природою достигает своего наивысшего развития.

ГЛАВА X.

Диктатура пролетариата.

Объединение капитала в руках немногих.

Развитие капитализма, его рост и объединение капитала всего мира в руках горсточки капиталистов происходит не только путем усовершенствованного разделения труда и вытекающего отсюда увеличения неоглаченного труда рабочего—прибавочной стоимости. Рост капитала и объединение производства в руках немногих лиц является следствием непрекращающейся и конкуренции между капиталистами и победы более сильных над слабыми. Правительство, царь, как ставленник капиталистов, в этой борьбе слабых и сильных, всегда на стороне сильных.

В борьбе за усиление своего капиталистического могущества, капиталист, помимо погони за покупателем и борьбы с мелким собственником, провел грандиозную организационную работу в деле сосредоточения капитала и капиталистического производства в руках немногих. Эта организационно-объединяющая работа началась фактически с первых дней возникновения частной собственности. Оформленный характер приняло оно уже в период мануфактуры, завершение его можно отнести к периоду возникновения мировой войны, когда объединение капиталистов и капиталистических производств выразилось в форме государственного капитализма. В ходе борьбы на капиталистическом рынке, капиталисту стало очевидно, что уцелеет, выживет тот капиталист, у которого полнее мощна.

И уже к началу восьмидесятых годов девятнадцатого века объединение капиталов нескольких предпринимателей в одном предприятии приняло определенную форму под названием акционерных обществ или товариществ. Эти акционерные общества складывались не только из капиталов самих фабрикантов и заводчиков. Членами

этого товарищества могли становиться и всякая кухарка и всякий дворник, словом всякий тот, кто имел несколько трудовых грошей, достаточных для покупки пая или акции, чтобы тем самым иметь впоследствии право на получение может быть одной миллионной доли барыша с предприятия. Таких пайщиков, или акционеров, бывало в акционерных компаниях десятки и сотни тысяч. Городская беднота несла в эти предприятия свой потом и кровью добытые гроши. Капиталисты с умиленной улыбкою их принимали, зная, что эти гроши, объединенные в одну кучу, дадут колоссальные барыши, но не бедняку-вкладчику, а предпринимателю. Хозяевами в акционерном обществе всегда бывали 2—3 капиталиста, а беднота, сложившая из своих грошей кучи золота для предприятия, конечно, никакой роли не играла. Ее к делу не подпускали, ее мнения не спрашивали и с нею не совещались. В лучшем случае беднякам бросали обглоданную кость с барского стола в виде самого ничтожного процента прибыли, а сливки снимало товарищество капиталистов, которое втихомолку обдeldывало свои дела, ни перед кем не отчитываясь.

Акционерные общества не только росли численно, но они, в своем развитии изменили и свой характер, превратившись из товариществ мелких предпринимателей и бедноты в могущественные союзы крупнейших капиталистов,—в синдикаты и тресты.

В то время, как первый период борьбы между предпринимателями можно охарактеризовать как борьбу слабых с сильными, как пожирание капиталистами-акулами мелкой промышленной рыбешки, второй период борьбы принимает уже совершенно иной характер. Здесь уж нет сильных и слабых. Слабые уже давно очистили поле сражения. Здесь друг перед другом выступают львы. Все они сильны своими капиталами. Все они равноценны, все они могущественны. Здесь бой предстоит упорный, длительный. Вопрос: кто кого — играет здесь громадную роль. Ведь у них у всех и громадные капиталы и усовершенствованные машины и эксплуатация рабочих, доведенная до виртуозности. Вступать ли в бой? Биться ли? И до каких пределов? Ведь в этой драке, в которой каждый твердо решил остаться победителем, можно довести себя до полного истощения. Ведь тут бой идет не при помощи миллионов рабочих, которых вышлепшь на поле сражения и они, во славу капитала, друг друга калечат и убивают. Тут дело посерьезнее — тут приходится биться рублем. Сосед понизил цену товара на копейку — я на две копейки; он на рубль — я на два рубля. А там, глядь, ни у него, ни у меня ничего не осталось,—оба мы голы, как соколы. А кому от этого польза? И решают они иначе дело. Зачем нам конкурировать друг с другом?

Не лучше ли нам объединиться и сообща по-братски грабить народ? Ведь если мы объединим вместе капиталы, все фабрики, все заводы, весь товар окажутся в наших руках и тогда-то мы станем господами положения. Мы будем назначать цены, свои цены на товары, а покупатели вынуждены будут покупать, ибо всё, все фабрики, все заводы, все товары в наших руках.

И капиталисты объединились в синдикаты и тресты. Благодаря союзу капиталистов почти совершенно исчезла конкуренция на внутренних рынках одной и той же страны, ибо все почти производство страны объединено в руках отечественных синдикатов и трестов. Синдикаты и тресты объединяют в своих руках не только однородные производства, но и производства разнородные. Так, например, синдикатчики чугуноплавильных или железоделательных заводов тесно связаны с угольными трестами. Опасаясь давления с их стороны, собственники железной руды и сталелитейных заводов объединяются с угольным трестом. Этот новый трест может давить и давит производителя машин. К этому союзу, следовательно, выгодно примкнуть и синдикату, производящему машины. Эта группа капиталистов, хотя и разнородных, но тесно связанных производством, образует сложный или комбинированный трест, захватывающий большинство производства в стране. Таковы, например, комбинированные тресты Америки, из которых нефтяной и стальной тресты охватывают почти все производство страны. Даже в России—стране наиболее молодой в промышленном отношении—медный синдикат давал 90% всей меди страны, сахарный—все 100%, т.-е. все производство сахара было сосредоточено в руках одного синдиката. Это, конечно, давало им возможность производить какого-угодно качества сахар и назначать ему цены по своему желанию.

Но организацию национальных синдикатов и трестов еще не завершено объединение всех капиталов и всего производства в руках нескольких лиц. На сцену выступают банки, завершающие это дело. Для крупных предприятий необходимы крупные капиталы. Банки играют двойную роль—они собирают или вбирают в себя все праздноежащие в данный момент капиталы. Но так как капитал не любит лежать праздным, то банк выполняет свою вторую задачу—он эти капиталы пускает в оборот. Каким путем? А вот как: крупному предприятию нужны крупные суммы для организации и расширения своего дела. Этими деньгами за известную часть прибыли, за определенный процент, снабжает его банк. Банк непосредственно заинтересован в процветании дел капиталиста, которого он снабжает финансами. Но банк снабжает финансами не одного капиталиста, а многих, всех капиталистов. Понятно, что он заинтересован в прибылях всех капиталистов. Но капиталисты кон-

куруют между собою, они ведут войну между собою. В каждой войне бывают победители и побежденные. Банк заинтересован в том, чтобы побежденных не было, ибо поражение хотя бы одного из членов финансируемой им семьи капиталистов грозит ему, банку, потерю части своих процентов, части своих прибылей. Во избежание войн и для предупреждения их, банк вмешивается в дела капиталистических предприятий. Он их примиряет, он их контролирует и направляет, он их связывает между собою. Словом, он играет роль дирижера в капиталистическом оркестре, объединяя всех предпринимателей одной идеей—идеей сплочения всех капиталов и всех орудий производства в немногих руках ради более полной, ради более совершенной эксплуатации рабочего класса, ради приобретения возможно большей наживы от потребителя.

Банк, объединяя вокруг себя все производство страны, регулирует само производство тем, что он ослабляет или совершенно уничтожает конкурентную борьбу на отечественном рынке. Объединяя большинство производств между собою, превращая их в комбинированные тресты, он тем самым борется с анархией производства, регулирует производство в стране.

Взаимоотношения капиталистических стран.

Но у капиталистов новое горе. Небольшой кучке капиталистов удалось забрать в свои руки все производство в стране. Все теперь принадлежит им: все капиталы, все фабрики и заводы, все угодья и леса. Они могут довести закабаление рабочих до конца. Некуда ему теперь кинуться. Все капиталисты страны—это почти одна семья. Не хочет рабочий работать на условиях, предложенных капиталистом,—дохни с голоду. И тут дело с рабочим гладко, чисто.

Но как быть с покупателем? У него положение другое. Коль зарвавшаяся кучка капиталистов уже слишком разжадничается и назначит на товары цены выше всякой нормы, покупатель может заявить: зачем мне покупать свой товар по дорогой цене—я лучше куплю заграничный товар по более дешевой цене. Как сказал, так и сделал.

А заграничный купец тут как тут. Он заполняет рынки чужой страны своими товарами. Капиталист—интернационалист, и деньги всех стран и всех наций ему одинаково милы.

Снова обуреваема заботами кучка капиталистов данной страны,—пу скажем, хотя бы России, Англии или Америки. Как же так?—вопят они. Мы уже объединились все. Мы живем душа в душу. Все мы одинаково дружно эксплуатируем рабочего и обираем поку-

патели! Нет больше между нами вражды, нет конкуренции. Знай себе полеживай, да купоны срезывай. А тут, ахти, беда! Снова конкурируй! Да с кем? С чужеземцем! С иностранным капиталистом! Из-за него понижать цены на товар?

Не бывать этому!—решает капиталист. И бежит он к своему ставленнику и верному другу—царю-батюшке. И молит он его: Царь-батюшка, помоги! Издай такой закон, чтобы ни пройти, ни проехать иноземному купцу к нам в нашу страну. Потребуй ты с него за право ввоза каждого аршина, каждого фунта товару столько денег, наложи такую пошлину, чтобы им к нам не повадно было.

И закрывает царь по воле капиталистов все границы. Днем и ночью сторожат его слуги верные все пути-дороженьки, чтобы ни пройти, ни проехать чужеземному купцу, не заплативши высокой цены, высоких пошлин за право провоза товаров.

Что же получается от запрещения свободного ввоза заграничных товаров? Заграничный товар становится столь же дорогим, столь же недоступным для бедняка-покупателя, как и свой отечественный товар, Покупатель снова в лапах у своего капиталиста. А капиталист от удовольствия только руки потирает. Хитрую штучку придумали мы. Закрыли мы границы для иноземного товара. Создали мы таможенную политику, мы патриоты, мы интересы отечественной промышленности охраняем. Покупателю, правда, горько с таможенной политикой, зато нам сладко. Ему слезы, а нам смех. Нет больше конкуренции. Не пролезть чужеземцу-купцу к нам. Мы капиталисты-патриоты. Не потерпим мы беспорядку в своей собственной стране.

Но капиталиста, хоть и чужеземца, на мякине не проведешь. Не удалось пролезть со своим готовым товаром в чужую страну, закрыли границы для товаров, но не закрыли для денег. Коля нельзя ввозить товары, можно ввозить деньги в чужую страну. Можно и там, на чужбине, строить фабрики и заводы. Можно самому туда даже и не ездить, а одолжать за проценты, за часть прибыли свои деньги чужому, ну хотя бы русскому купцу. Пусть он на мои деньги фабрики да заводы строит, а со мною прибыли делит.

И, порешив так, успокоился заграничный капиталист. Его дело в шляпе. Снова заработала машина.

Появились, скажем, у нас в России, фабриканты да заводчики: бельгийцы, англичане, швейцарцы, немцы. И хоть и говорят они по-своему, на своем родном языке, нам и непонятном, а рабочего русского эксплуатируют, да покупателя обирают точно твой же брат, русский капиталист. И не разберешь, кто он: свой или не свой, одинаково жмет он, одинаково давит он трудовой люд.

Но не только фабрики строит иностранный капиталист у нас. Он и так нам, т.-е. государству, деньги одождает. Деньги эти нужны государству, главным образом, на покрытие военных расходов. Но за эту ссуду он требует себе всяких выгод да привилегий от государства, которому он деньги ссужал. Так, русское правительство, например, взяло много денег займы у Франции. В 1902 году долг русского правительства Франции составлял 10 миллиардов франков. С 1902 года до 1917 года долг этот еще больше возрос. Советское правительство царских долгов не признало. Оно отказалось их платить, т.-е. аннулировало их. И этим-то объясняется, почему французская буржуазия так упорно воюет с нами. Она тратит миллионы на поддержку белогвардейцев, чтобы, вырвав власть из рук народа, вернуть себе миллиарды, данные русскому царю за счет русского рабочего и крестьянина.

Вывоз капиталов из одной страны и ввоз их в другую страну не проходит совсем гладко. Капиталисты, ссужающие свои деньги, становятся в большей или меньшей степени хозяевами той страны, куда они свои деньги ввели. Если это страна сильная, там влияние чужого капиталиста слабее. Там же, где страна маленькая, слабая, там чужеземный капиталист полный хозяин. Он туда вводит свои войска, которые охраняют его капиталы, он для этой страны вводит свои законы, строит свои тюрьмы, держит своих жандармов и полицейских. Словом, он становится неограниченным хозяином и властелином такой небольшой страны, превращая ее в свою колонию.

Чужеземный капиталист берет на себя хозяйничанье в чужой стране не из любви к порядку, а ради богатой наживы, которую дает ему эта страна. Для него—капиталиста—открываются новые возможности получения барышей. Он здесь строит фабрики и заводы, эксплуатируя чужеземных рабочих. Он сюда ввозит свои товары, превращая чужеземную страну в свою собственность. Он отсюда вывозит сырье. Словом, он здесь греет руки, загребая золото.

Но барыши одного капиталиста или капиталистов одной страны не дают спать капиталистам других стран. Каждому хочется тоже заграбастать от чужого народа. И начинается погоня, борьба за захват таких мелких стран и народностей в целях эксплуатации их. Эта борьба за колонии и за рынки повела за собою длительную, неослабную борьбу уже не между отечественными капиталистами, а между капиталистами всех стран.

Все страны, в том числе и Россия, хватали и нахватывали себе не мало таких колоний, которые они превратили в своих дойных коров. По пути шествия к этим колониям сталкивались между

собою капиталисты всех национальностей. И возгоралась между ними борьба. И высылали они для решения спора своих рабочих и крестьян. И вцеплялись угнетенные рабочие и крестьяне различных стран друг другу в волосы и калечили и убивали они друг друга. И за что? За то, чтобы помочь капиталистам той или иной страны эксплуатировать своего же брата—иноземного рабочего или крестьянина. Трудовой народ воевал, изводил друг друга, а капиталисты сидели и ждали, чем бойня кончится. А затем тот капиталист, у которого убитых и искалеченных рабочих и крестьян оказывалось больше, признавал себя побежденным и направлялся искать новые земли с новыми рынками и новым кадром пролетариата, чтобы их превратить в своих рабов.

Так шло дело в течение многих десятилетий. То тут, то там вспыхивала война из-за колоний, из-за рынков. Война, конечно, оканчивалась победою наиболее сильных капиталистов. Снова повторилась история—борьба сильных и слабых, только уж не в пределах одной страны, а всего мира, и не за право эксплуатации своих рабочих и крестьян, а рабочих и крестьян чужих стран. И здесь сильные вытеснили слабых. И сосредоточился весь мировой капитал, все мировое производство в руках всего нескольких крупнейших мировых стран. Централизация (объединение) капитала произошло теперь уже не в пределах национального хозяйства, хозяйства одной страны, а в мировом хозяйстве.

И снова возник спор—кому из крупных капиталистических стран взять верховенство. Кому принадлежит первенство. И началась борьба за передел мира между крупнейшими капиталистическими странами. Эта борьба капитала за мировые рынки сбыта и сырья, за право эксплуатации возможно большего количества чужеземных рабочих и называется империализмом.

Это желание одной кучки капиталистов завладеть всем миром или, по крайней мере, занять первое место на земном шаре и повело ко всемирной войне 1914—1919 годов.

Диктатура буржуазии.

„Вы клевете на капитализм,—шипят враги коммунистического общества:—вы не видите, или не хотите видеть, грандиозной организационной работы капиталистов. Смотрите, какую работу они провели. Они организовали союзы, синдикаты, тресты, даже комбинированные тресты. Они друг с другом сговариваются и прекрасно знают, что кто из них производит. Они, как настоящие хозяева страны, всё учитывают и всё предусматривают“. Да, отвечаем мы, мы эту работу видим и ее соответственным образом оцениваем.

Но при этом мы спрашиваем: а какую цель преследуют капиталисты своею организацией? Улучшение быта трудящихся? Общественного блага? Нет, отвечаем мы, ничего подобного. Крупные капиталисты объединяются для того, чтобы проглотить в конкурентной борьбе более слабых, чтобы с большею энергиею, с большею жестокостью эксплуатировать рабочих. Капиталисты организуются, но так же, как организуются шайки воров и грабителей для совершения наиболее удачных, наиболее грандиозных грабежей и разбоев. Капиталисты организуются, говорите вы, защитники капиталистов. А чем объясняются кризисы, безработица, непрекращающиеся войны между капиталистами? Анархией производства, делением общества на классы,—отвечаем мы.

Но ведь капитализм дошел в своей организационной работе до государственного капитализма, т.-е. почти до социализма,—возражают нам снова. Да, говорим мы, государственный капитализм—факт. Но что такое государственный капитализм? Кому приносит он пользу?

Государственный капитализм—это и есть диктатура буржуазии. Государственный капитализм это окончательное объединение всего капиталистического производства в руках самой маленькой горсточки капиталистов. *Но это объединение идет не на пользу, а во вред трудящимся.* Это объединение всего производства в государственном масштабе дает капиталистам еще большую возможность эксплуатировать рабочих.

Как раз в период мировой войны государственный капитализм достиг максимального развития. Империалистская война поглотила все хозяйство страны. Все производство мирного времени, производство предметов первой необходимости: одежды, обуви, белья, книжек, даже хлеба для мирного населения было приостановлено, и все силы были направлены только на производство военное. Плуги были перекованы в мечи, все фабрики и заводы занялись изготовлением смертоносного орудия и военного снаряжения. Капиталист в своем „патриотизме“ пошел на все—он изменил весь характер своего производства, ибо... ибо это ему давало еще большие барыши. Военные заказы—статья доходная. Это известно каждому. Ни государству, ни народу капиталист и в этот период развития капитализма своих фабрик и заводов не передает. Он только работает на заказчика—государство, и вместо того, чтобы получать барыши из кассы синдиката или треста, он их получает из кассы государственного банка. Но зато какие он барыши получает! Ведь заказы-то все *военные*, срочные. А за военный заказ и оплата иная. Для примера несколько цифр о прибылях, получаемых с военных заказов: В Германии чистая прибыль четырех предприя-

тий, исполнявших *военные* заказы, составляла в 1915—1916 году 259 миллионов, в 1913—1914 году прибыль этих предприятий равнялась половине—133 миллионам. Стальной трест Америки поднял *за год войны* свою прибыль с 98 милл. долларов до 478 миллионов долларов в течение одного года.

Совсем иначе обстояло положение рабочих. И *государственный капитализм не принес ему ничего, кроме новой кабалы*. Для успешного выполнения „военных“ заказов, для более усиленной эксплуатации рабочих большинство рабочих и даже работниц России, как и всех остальных воюющих стран, были мобилизованы. Как бы ни были тяжелы условия труда, рабочий или работница, как мобилизованные, не имели права бросить работу, не имели права перейти в другое предприятие. Но зато капиталисты, на основании той же мобилизации рабочих, имели право перебрасывать их, куда капиталисту вздумается, хотя бы за тридевять земель, в самые дальние свои колонии. В то время, как дороговизна жизни возросла во время войны до невероятных размеров, заработная плата рабочих повысилась самым ничтожным образом. А требовать повышения заработной платы рабочий не смел, ибо он, в интересах капитала, был мобилизован и за всякую попытку улучшить свое положение его ждало строжайшее наказание, вплоть до посылки в самый огонь войны, на передовые позиции, где его ожидала верная смерть.

Вполне понятно, что общество, построенное на таких началах, должно было рухнуть, и оно рухнуло, уступив место новому обществу—обществу коммунистическому.

Диктатура пролетариата.

Для превращения общества капиталистического в общество коммунистическое, для осуществления коммунистического строя, рабочему классу необходимо было вырвать власть из рук кучки заводчиков и фабрикантов и укрепить ее в своих собственных руках. Ему необходимо было разрушить старое сгнившее капиталистическое общество и на развалинах его начать строить новое общество. Но так как буржуазное общество оказывало и оказывает беспощадное сопротивление переходу власти к народу, то и рабочему классу, естественно, приходится проявлять свою власть с максимальной решительностью и твердостью. Диктатура пролетариата должна быть особенно суровой в момент гражданской войны, когда класс против класса вышел на борьбу, оба вооруженные до зубов.

Период диктатуры пролетариата есть период переходный от общества капиталистического к обществу коммунистическому. Это

самый трудный этап в деле созидания нового общества. Здесь приходится строить только одною рукою, да и то с перерывами, ибо вторая рука, а порою и обе руки заняты отражением ударов империалистов всех стран. Вполне понятно поэтому, что пока удалось только наметить вехи по пути к коммунистическому обществу. Но вехи эти показывают, что путь прямой и правильный, что здесь нет и не может быть никаких отклонений, никаких поворотов ни вправо, ни влево. Проводя неотступно пункт за пунктом программу партии коммунистов, пролетариат тем самым продвигается к своей конечной цели—к коммунизму.

Для чего нужна власть капиталисту и рабочему.

Между диктатурою буржуазии и диктатурою пролетариата такая же громадная разница, как между классом господ и классом рабов. Буржуазия захватила власть в свои руки для того, чтобы сосредоточить все богатства мира в руках небольшой кучки капиталистов. *Буржуазии нужна власть, чтобы угнетать, чтобы поработать миллионы трудящихся.*

Пролетариат захватил власть в свои руки, чтобы при помощи этой власти уничтожить неравенство, уничтожить деление людей на классы. *Первый шаг по пути диктатуры рабочий класс ознаменовал заменю частной собственности на средства производства общественною собственностью.*

В области общеполитической буржуазия только на словах обещала предоставления всем политической свободы, равноправия полов, равенства национальностей. На самом же деле капитализм ни свобод, ни равноправия полов, ни равенства национальностей не дал и дать не мог, ибо такова сущность капиталистического общества, построенного на угнетении, на подавлении всех, кто не принадлежит к классу капиталистов. А не принадлежит к классу капиталистов вся многомиллионная крестьянская беднота, весь мировой пролетариат.

Только диктатор-пролетарий впервые провел полное равенство всех граждан без различия пола и национальности. Власть Советов есть власть всех граждан и всех гражданок, которые работают для того, чтобы иметь право есть. Только пролетарий, став у власти, дал возможность всем гражданам избирать и быть избираемым в Советы. Диктатура пролетариата считает обязательным участие всех членов общества в управлении государством. Каждая кухарка, каждая домашняя хозяйка должны вносить свою долю творческой работы в общее дело—вот организационный план государственного строительства диктатора-рабочего.

В области военной буржуазия преследовала определенную цель — превратить армию, состоящую преимущественно из крестьян и рабочих, путем муштровки и мордобития, в тупую забитую скотину, которая бы не только „немца“ да „турка“ била, но и отца родного, не дрогнув, уколошила. Для этого буржуазия держала солдат по 3—4 года в казармах, где их специальным образом обрабатывали. Ставший у власти рабочий, в противовес старой армии, уже в период своей диктатуры провел: *возможно короткий срок казарменной выучки, приближение казармы к политической школе*. Вместо командного состава из господ дворян он превратил наиболее способных, наиболее грамотных красноармейцев в красных командиров, создав для них соответствующие школы. Таким образом и в армии нет более деления на классы, нет более господ, бьющих по морде, и народной черни, принимающей эти побои. Там нет господ и рабов, но зато есть железная пролетарская дисциплина сознательных борцов за коммунизм.

Народное просвещение служило в период диктатуры буржуазии органом порабощения и затемнения сознания трудящихся. Наука была достоянием немногих — главным образом, власть имущих и их приспешников. Народ к знанию не подпускали. Пролетариат, став у кормила правления, вынес знание из замкнутых кабинетов ученых в широкие народные массы. Из орудия порабощения он превратил знание в орудие освобождения общества от всякого гнета. Вместо школы классовой, школы „народной“ и школы для сынков буржуазии, гимназий, реальных училищ, Советская власть создала единую трудовую школу, бесплатную и обязательную для всего подрастающего поколения до 17 лет. Все специальные и технические школы, все высшие учебные заведения сделала она достоянием всех желающих учиться. Нет отныне лица, перед которым закрыты были бы двери учебных заведений. *Наука для народа — таков лозунг диктатора-пролетария.*

В области экономической пролетариат, ставший у власти, неуклонно продолжает превращение средств производства и обращения в собственность Советской Республики, отнимая для этого все богатства у буржуазии и превращая ее в общественную собственность всех трудящихся.

В области сельского хозяйства Советская власть отменила частную собственность на землю и провела ряд мероприятий, направленных к организации крупного социалистического земледелия. И буржуазия в период своей диктатуры тоже стремилась к созданию крупного земледельческого хозяйства, но не социалистического, а частновладельческого. И она экспроприировала землю. Но в то время, как диктатор-пролетарий экспроприировал земли у богатых

и предоставил ее в распоряжение непосредственных труженников-крестьян, буржуа экспроприровал земли у бедняков для личного обогащения, для округления своих владений.

Диктатор-буржуа с невероятною легкостью разрешал сложный вопрос о распределении предметов первой необходимости: коль ты, пролетарий, посадил капустку—мне, капиталисту, верхки, а тебе, рабочему, корешки; коль ты посадил репку—мне, буржую, корешки, а тебе, пролетарий, верхки. Диктатор-пролетарий иначе разрешает эту задачу: коль ты, рабочий, сеял, ты и жнешь, коль ты работал, ты и ешь. А кто не работает, тот и не ест. Буржуа хвастает своею организаторскою способностью: я-де все производство организовал. А ему рабочий на это в ответ—а я не только производство, но и потребление организую. У меня уже готова целая сеть потребительских коммун. А не то еще будет у меня в области производства и распределения в коммунистическом обществе. Тут все будет рассчитано и предусмотрено. В противовес анархии в производстве капиталистического общества, мы уже пошли по пути планомерной и стройной организации, где все производство и потребление будет учтено до мельчайших деталей.

Уяснив себе силу и значение банков, пролетариат в первые же дни своего строительства сразу захватил банки в свои руки, превратив финансовый капитал из орудия порабощения в руках буржуазии в орудие рабочей власти и рычага экономического переворота. Ставя конечною целью своего строительства полное уничтожение денег, пролетариат уже сейчас переходит, поскольку это возможно, в период военной разрухи, к оплате труда натурою. Уже сейчас, не взирая на хозяйственную разруху, введено бесплатное питание для всех детей, до 16 лет включительно.

В области жилищного вопроса, охраны труда, социального обеспечения, охраны здоровья населения, пролетариат пользуется своею властью для облегчения, поскольку это только возможно, положения трудящихся.

Все блага для тунеядца-буржуа — лозунг диктатора-капиталиста.

Все для трудящихся — лозунг диктатора-пролетария.

Самковичи
срещ. в

ГЛАВА XI.

Коммунистическое общество.

Основы коммунистического общества.

Коммунистическое общество строится на прочном и незыблемом фундаменте — оно с самого начала уничтожает основные противоречия капиталистического общества — анархию производства и деление общества на классы — на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, интересы которых резко противоположны.

Корень зла мирового неравенства, угнетения трудящихся, мировой войны и всех связанных с нею бедствий таится в частной собственности. Собственность класса капиталистов на средства и орудия производства — вот в чем причина всех зол, вот чем объясняются варварства буржуазного строя.

Необходимо отнять у богатых их силу, отняв у них их богатства, необходимо вырвать власть из рук буржуазии — это первейшие задачи, которые поставили себе рабочий класс и рабочая партия коммунистов.

Но тут на сцену выступает заинтересованный буржуа, находящийся в услужении у капитала — интеллигенция и не дающая себе труда вникнуть в истинное положение вещей обывательская масса. Все они вопят: рабочий класс грабитель, разбойник, мародер, а члены партии коммунистов — исчадие ада. Они ужасаются, что рабочий класс хочет уничтожить частную собственность. И при этом они притворяются, что не знают, что не видят, что как раз в капиталистическом-то обществе частная собственность уничтожена для всего трудового населения, что как раз теперь, когда все капиталы объединены в руках крошечной горстки собственников, все трудовое население земного шара лишено частной собственности. Не коммунисты, а капиталистическое общество давно уже лишило большинство человечества частной собственности. Но, отнимая частную собственность у кучки капиталистов, мы отнюдь не собираемся передать ее какому-нибудь новому классу. Мы отнимаем богатства у капиталистов, чтобы тем самым лишить их власти над сотнями миллионов людей, чтобы лишить их возможности угнетать трудящихся. Мы делаем частную собственность достоянием всех трудящихся, всего трудового народа и тем самым уничтожаем неравенство и эксплуатацию.

Захватив, революцией 25-го октября 1917 года, власть в свои руки, рабочий класс и сознательное крестьянство сразу стали перед задачей переустроить общество на такой лад, чтобы не могло быть больше возврата к капитализму. И единственной формой нового мирового строительства признан строй коммунистический.

При коммунистическом строе все богатства принадлежат не отдельным лицам, не отдельным классам, а всему обществу. Все коммунистическое общество представляет из себя громадную трудовую артель. Но нет хозяина над этой артелью, ибо все члены этой артели—рабочники, все равны и товарищи между собою. В противовес анархии производства в капиталистическом обществе в коммунистическом обществе производство организовано до мельчайших деталей.

Работают в коммунистическом обществе все сообща, по выработанному и высчитанному трудовому плану. Здесь учитываются все машины, все сырье, все рабочие руки общества. Высчитано также и годовое потребление общества. Произведенный продукт складывается в общественных складах, откуда и распределяется между членами коммунистического общества по потребностям. Здесь нет места паразитам, людям, живущим за счет чужого труда. В коммунистическом обществе кто не работает, тот не ест.

Работают в коммунистическом обществе только на самых крупных фабриках и заводах, самыми крупными и лучшими машинами, ибо они сохраняют труд работников. Для выполнения тяжелых, вредных для здоровья, грубых работ будут изобретены специальные машины. Машина должна будет в этих производствах заменить человека.

В коммунистическом обществе, где все будут работать для всего общества и взаимно друг для друга, все будут заинтересованы в том, чтобы все предметы были самого лучшего качества и изготовлялись возможно более скоро. Общий интерес побудит всех стремиться к улучшению, упрощению и ускорению самого процесса труда. Усовершенствованию машин и изобретению новых машин будет в коммунистическом обществе уделено особенное внимание. Чем совершеннее будут машины, тем легче, тем менее продолжителен будет труд каждого отдельного члена общества.

Как много великих изобретений и талантливых изобретателей погибло в буржуазном обществе только потому, что эти великие изобретения грозили ослабить прибыль капиталиста. В коммунистическом обществе не может быть речи о прибыли или зарботке, ибо произведенные продукты идут не в продажу, а на потребление самих же производителей. И посему общество будет заинтересовано в новых изобретениях, которые усовершенствуют и облегчат производство.

Коммунистическое общество составляет союз равных. Здесь нет классов, нет ни рабов, ни господ, ни богатых, ни бедных. Все в

этом обществе обязательно трудятся на благо общества. В таком обществе, следовательно, нет необходимости в такой специальной власти, как власть единодержавного монарха, которая специально поставлена охранять интересы собственников от покушения на него голодного рабочего и крестьянина. С уничтожением частной собственности прекращается смертельная вражда двух классов—класса эксплуататора-собственника и эксплуатируемого рабочего. Все человечество в этом обществе объединено общим трудом и общей борьбой с внешними силами природы. Публичная власть в этом обществе утратит свой политический характер.

Коммунистическое общество не знает ни национальных, ни каких-либо других делений. Сняты все пограничные столбы, уничтожены отдельные отечества. Все люди—братья, и весь мир одна дружная трудовая семья.

Двигательные силы коммунистического общества.

Коммунистическое общество не знает купли и продажи. Здесь нет товаров, а есть только продукты. Раз нет купли и продажи, то нет и денег. Они никому не нужны, ибо все здесь получают за свой труд плату натурой, согласно их потребностям. В нем нет места конкуренции. Что же будет служить двигателем прогресса в коммунистическом обществе? Не замрет ли общество, не знающее ни борьбы за существование, ни борьбы классов? Не будут ли в этом обществе все люди одноцветны, однотипны, однотонны? Вот вопросы, которыми осыпают нас сомневающиеся, колеблющиеся. Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, чем был рабочий класс и класс крестьян в капиталистическом обществе.

Вернер Зомбарт в своей брошюре „Пролетариат“ так характеризует жизнь рабочего: „Пустынная, безотрадная, лишенная надежд, вечно одинаковая протекает жизнь пролетариев без ритма, без подъема, без содержания. Однообразно. Монотонно. Серо. Как холодный дождливый ноябрьский день. С мучительным безразличием пробегают часы, дни, годы и вся жизнь“.

Эту картину безысходного однообразия жизни трудящихся при господстве капитала дополняет, правда, в ироническом тоне, возражая Зомбарту, буржуазный педагог Ф. Гансберг в своей брошюре „Школа труда“ в следующих словах: „Как будто бы видишь просынающийся день большого города, когда еще фонари отражаются на мокрых улицах; рабочих, тесно набившихся в вагон трамвая, усталых, равнодушных, молчаливых; спешащую в лавки и магазины молодежь, бледную, потому что ей недостает солнца жизни, потому что у нее нет интереса к той работе, которую от нее требуют, к труду в пыльной, безотрадной атмосфере рядом с равнодушными

товарищами, которые сегодня здесь, а завтра в каком-нибудь чужом городе исполняют ту же отупляющую неинтересную работу“.

Великий композитор (музыкант) Рихард Вагнер в своем сочинении „Искусство и революция“ уже в 1850 году дал ответ на вопросы, что будет служить двигателем прогресса в коммунистическом обществе. В этом сочинении Вагнер предсказывает то, что принесет с собою будущее. Он обращается прямо к рабочему классу, от которого он ожидает помощи художникам в деле основании истинного искусства. Он говорит, между прочим, следующее: „Раз только для наших будущих свободных людей добывание средств к существованию не будет более целью жизни, раз в силу нового знания, добывание средств к существованию путем соответственной ему естественной деятельности будет обеспечено от всяких случайностей, короче говоря, раз только индустрия сделается, вместо нашей госпожи, нашей служительницей,—тогда целью жизни мы сделаем наслаждение жизнью, а целью воспитания—подготовление наших детей к действительному пользованию этим наслаждением. Воспитание, начинаясь с развития физической силы, заботой о телесной красоте, станет чисто художественным уже в силу одной беззаботной любви к ребенку и радостного стремления к развитию его красоты, и каждый человек будет поистине художником в каком-либо отношении. Различия в природных склонностях создадут невероятное множество самых разнообразных направлений в искусстве“.

И не только разнообразие в направлении искусства даст нам коваль школа. Основной задачей в деле воспитания юношества будет, без сомнения, стремление пробудить в будущем гражданине все его способности, как бы разносторонни они ни были. И по этому пути уже пошла наша единая трудовая школа. В I-м томе „Капитала“ Маркс приводит следующие слова одного французского рабочего, вернувшегося из Сан-Франциско (Америка): „Я никогда не поверил бы, что сумею работать во всех тех ремеслах, какими мне пришлось заниматься в Калифорнии. Я был твердо убежден, что гожусь только в переплетчики.... Очувтившись в этом мире искателей приключений, меняющих свое ремесло легче, чем рубашку, право слово, я стал действовать, как другие. Когда работа в рудниках оказалась недостаточно выгодной, я ее бросил и переселился в город, где сделался поочередно печатником, кровельщиком, литейщиком и т. д. Убедившись на опыте, что я способен ко всякой работе, я меньше чувствую себя моллюском и больше человеком“.

Вот в чем задача коммунистического общества—не делать из человека переплетчика, сапожника, либо портного, —не превращать его в моллюска, дабы он себя чувствовал больше человеком.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что наш идеал создание таких людей, как Леонардо да Винчи, Авраам Линкольн или Бен-

венуто Челлини. Коммунистическое общество и только оно одно даст возможность столь всестороннему развитию человеческих способностей.

Леонардо да Винчи был превосходным живописцем, знаменитым скульптором, выдающимся архитектором и инженером, отличным военным архитектором, музыкантом и импровизатором. Бенвенуто Челлини был знаменитым ювелиром, превосходным модельщиком, хорошим скульптором, испытанным военным архитектором, отличным воином и дельным музыкантом. Авраам Линкольн был дровосеком, земледельцем, матросом, приказчиком, адвокатом, а затем президентом Соединенных Штатов.

Нам возразят: все эти люди стали тем, чем они были, потому что они выдающиеся таланты. А ведь не все люди таланты. *А одним талантом обладает почти каждый человек.* Надо только дать развиться этому таланту, не дать ему заглохнуть, как не дали заглохнуть талантам Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини и Авраама Линкольна. А будить способности, поощрять таланты, развивать их будет только коммунистическое общество. *Ибо всякое знание на благо всего общества.* Чем развитее, чем более подготовленным к труду будет каждый отдельный член общества, тем богаче, тем цельнее, тем разнообразнее и благополучнее будет жизнь всего общества.

Таковы двигательные силы коммунистического общества.

Неизбежность коммунистического общества.

Водворение коммунистического общества столь же неизменно и столь же неизбежно, как неизбежны были все этапы развития человечества и переходы его с одной ступени развития на другую.

Идеи коммунистического общества, построенного на братстве и равенстве, на отсутствии угнетенных и угнетателей, бедных и богатых, безусловно приемлемы для всего трудового мира.

Против коммунистического общества борется только небольшая группа капиталистов вместе с их прислужниками, которые не хотят уступить без боя своей былой власти. И эта-то борьба и страшит многих несознательных и нерешительных. Им по душе идеи построения коммунистического общества, но... но если бы в это общество можно было перешагнуть незаметно, безболезненно. Не надо насилия, не надо гражданской войны, говорят они.

Да, хорошо бы мирным путем перейти от строя капиталистического к строю коммунистическому, хотели бы вместе с ними сказать и мы. Но мы бы так говорили, если бы... если бы переход от одной экономической формы к другой если бы связанное с новым экономическими формами переустройство политической жизни и переход власти от одного класса к другому когда-нибудь совершался мирным путем. Но этого никогда, во весь период

развития человеческого общества, не было. История всего предшествовавшего общества есть история борьбы классов.

Свободный и раб, помещик и крепостной, хозяин-ремесленник и подмастерье, капиталист и рабочий, короче, угнетатель и угнетенный находились в постоянном противоречии друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то открытую борьбу,—борьбу, оканчивающуюся каждый раз революционным преобразованием всего общества.

Переход власти от матери к отцу был произведен в патриархальном обществе под влиянием экономической необходимости и возрастания частной собственности мужчины—добытчика пропитания и необходимости сохранения этой частной собственности в роду. Этот первый переворот, или первая революция, был совершен далеко не мирным путем. Женщина была поработана. Были введены специальные законы, карающие нарушение частной собственности. Полиция, жандармерия и тюрьмы стали обязательными учреждениями нового общества.

Развитие производительности, изменение экономического положения в патриархальном обществе потребовали увеличения рабочих рук. Было введено рабство, со всеми его ужасами угнетения человеческой личности.

Переход от патриархального общества к обществу феодальному, основанному на новых экономических взаимоотношениях—преобладания земледелия над скотоводством,—произошел на развалинах старого общества. С оружием в руках завоевал феодал свое господствующее положение на земном шаре.

Феодальное общество, после многих лет непрерывных, упорных и изнуривших человечество войн, уступило свое место нарождающемуся капиталистическому обществу. Через сотни тысяч трупов прошел капитализм свой путь к власти. С мечом и мечом отвоевал он свое положение у феодала, который всячески боролся против нарождающейся новой экономической силы. В своем победном шествии капитал одержал кровавую победу над ремесленником. Через горы трупов, через реки крови трудового народа прошел он к своему мировому господству.

Современное буржуазное общество, возникшее из погибшего феодального общества, не уничтожило классовых противоречий. Оно лишь создало новые классы, новые условия угнетения, новые формы борьбы на место старых.

Новые экономические взаимоотношения, основанные на общности интересов, на всеобщем труде, на равенстве и братстве, требуют и новых политических форм. Строй, основанный на эксплуатации и угнетении, умирает. Паразиты вынуждены уступить свое место трудящимся всего мира. Но без боя вековые угнетатели своей власти не хотят уступить. И горит во всем мире ярким пламенем

гражданская война. И льется кровь освободителя человечества—рабочего и крестьянина.

Коммунистическая семья и патриархальное общество со своим несложным общественным производством и общественным потреблением должны были уступить место частновладельческому обществу по двум причинам. Коммунистическая семья должна была распаться, во-первых потому, что она не была вооружена знанием, во-вторых, потому, что в этот период человек был самым жалким рабом природы.

Продолав все этапы развития от коммунистической семьи до империализма, мы по этому долгому пути вооружились до зубов знанием, мы победили природу и стали ее господами.

Вот два основных фактора, дающих нам уверенность в нашей победе.

Для того, чтобы дойти до коммунистического общества, нам необходимо было пройти все этапы частновладельческих форм организации, начиная с периода рабства и кончая мировым капитализмом. Все эти этапы развития человечества опирались на определенные экономические взаимоотношения. Рушились экономические формы данной эпохи, с нею вместе разрушалась и вся политическая и духовная надстройка.

Насколько было естественно возникновение феодального или буржуазного общества, настолько же было естественно и неизбежно их падение, как только им на смену приходили новые экономические формы. Развитие мирового капитала со всем присущим ему политическим и духовным строем — один из неизбежных этапов развития человечества. Неизбежна империалистическая война, несущая разрушение капиталистического строя. Неизбежен грядущий на смену буржуазному строю строй коммунистический.

Все развитие человеческого общества представляет из себя более или менее скрытую гражданскую войну внутри существующего общества. *Но предшествовавшие движения были движениями меньшинства в интересах меньшинства*—небольшой группы собственников патриархального общества против всех членов общества, небольшой кучки феодалов-помещиков—против всего трудового крестьянства, горсточки капиталистов — против мирового пролетариата. *Пролетарское движение есть движение громадного большинства в интересах громадного большинства.* Вот почему эта победа безусловно завершится торжеством трудящихся, которые и водворят коммунистический строй.

Только социальная революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности этой революции и возможные временные неуроки ее или волны контр-революции — окончательная победа пролетариата неизбежна.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Г Л А В А I

От коммунистической семьи к коммунистическому обществу.

	Стр.
Что такое коммунистическое общество?	3
Борьба за существование, как основа всякой жизни	4
Борьба за существование в мире животных и растений.	5
Борьба за существование человеческого общества и в человеческом обществе.	6
Каким путем?	7
Экономическое положение первобытной семьи и ее организация.	—
Закон о перенаселении, как двигатель культуры.	8
Техника в период коммунистической семьи.	9
Зачатки речи из социально-трудовых звуков	12
Внутренний строй первобытного рода.	—
Психология первобытного общества	13

Г Л А В А II

Патриархально-родовая община.

Возникновение скотоводства и земледелия	14
Переход от кочевой к оседлой жизни.	15
Разделение труда.	16
Война, как особая отрасль производства.	17
Выделение труда руководителя.	18
Взаимоотношение родовых общин	19
Отличительные признаки патриархального рода	20
Возникновение обмена.	—
Психология патриархально-родового периода	22
Натуральный фетишизм	23

Г Л А В А III.

Женщина в прошлом.

Форма первобытной семьи.	27
Кровородственные семьи.	—
Что служило причиной изменения половых отношений и формы семьи.	30
Правовое положение женщины в первобытной семье.	—
Право наследования.	31
Единобрачная семья.	32

Г Л А В А IV.

Возникновение рабства и причина распада рабовладельческого общества.

Производственные условия возникновения рабства.	35
Превращение патриарха в собственника.	36
Положение личности в группе и в обществе.	37
Междугрупповые отношения.	38
Положение рабов и господ.	39
Причина распада рабовладельческих обществ.	40
Духовенство и рабство.	41

Г Л А В А V.

Феодальное общество.

Основы феодального общества.	42
Производственные и распределительные отношения феодальной группы.	—
Междугрупповые отношения феодального общества.	45
Католическая церковь.	46
Ремесленники.	48
Культурное состояние феодального общества.	49

Г Л А В А VI.

Мелкобуржуазное общество.

Основные черты мелкобуржуазного общества.	52
Производственные и распределительные отношения в мелкобуржуазном обществе.	—
Внутренние отношения мелкобуржуазного общества.	56
Междугрупповые отношения мелкобуржуазного общества.	57

Г Л А В А VII.

Эпоха торгового капитала.

Внутренние отношения членов общества в эпоху торгового капитала.	61
Взаимоотношения между отдельными хозяйствами.	63
Умственное развитие в эпоху торгового капитала.	66

Г Л А В А VIII.

Промышленный капитализм.

Социальные условия возникновения мануфактуры	67
Сущность капиталистического производства.	69
Общественное распределение в эпоху мануфактуры	71
Общественная психология мануфактурного периода.	72

Г Л А В А IX.

Промышленный капитализм эпохи машинного производства.

Общественные отношения в период машинного капитализма	75
Производственные отношения на земном шаре	76
Мировая организация рабочих	79
Главнейшие изменения общественной психологии в период машинного капитализма.	81

Г Л А В А X.

Диктатура пролетариата.

Объединение капитала в руках немногих	83
Взаимоотношения капиталистических стран.	86
Диктатура буржуазии.	89
Диктатура пролетариата.	91
Для чего нужна власть капиталисту и рабочему.	92

Г Л А В А XI.

Коммунистическое общество.

Основы коммунистического общества	95
Двигательные силы коммунистического общества.	97
Неизбежность коммунистического общества.	99

3

aus 32B-64



2007338942